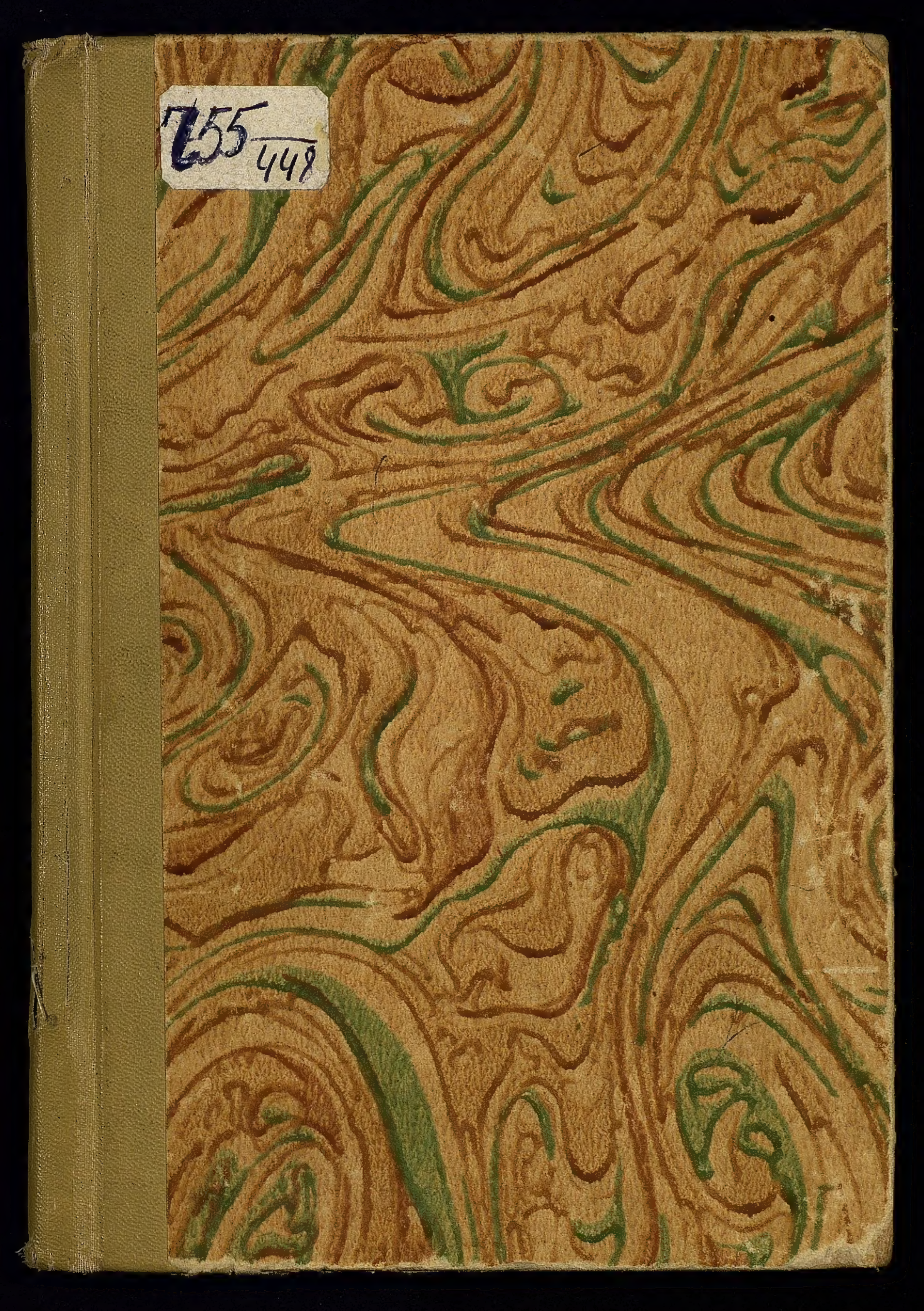
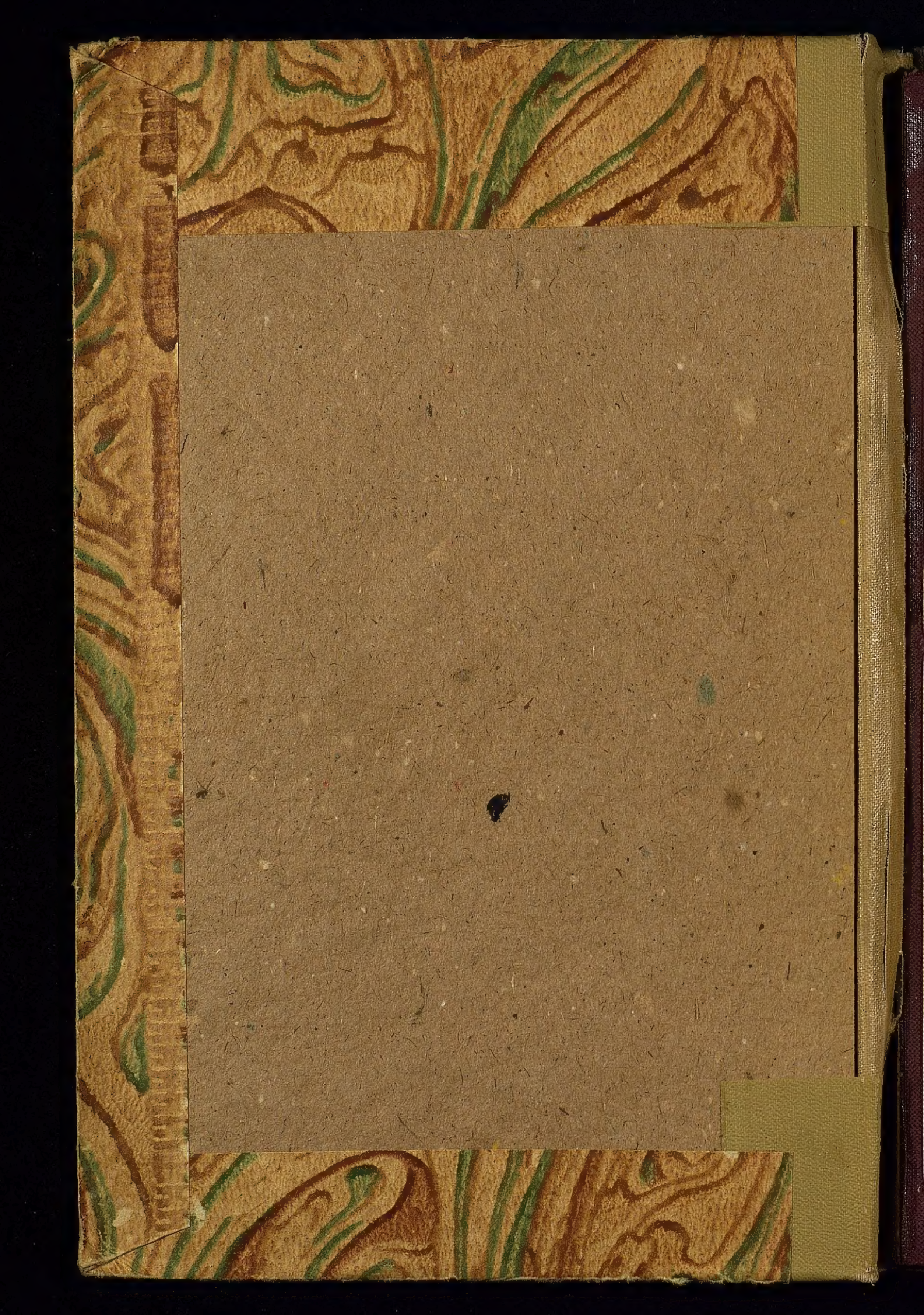
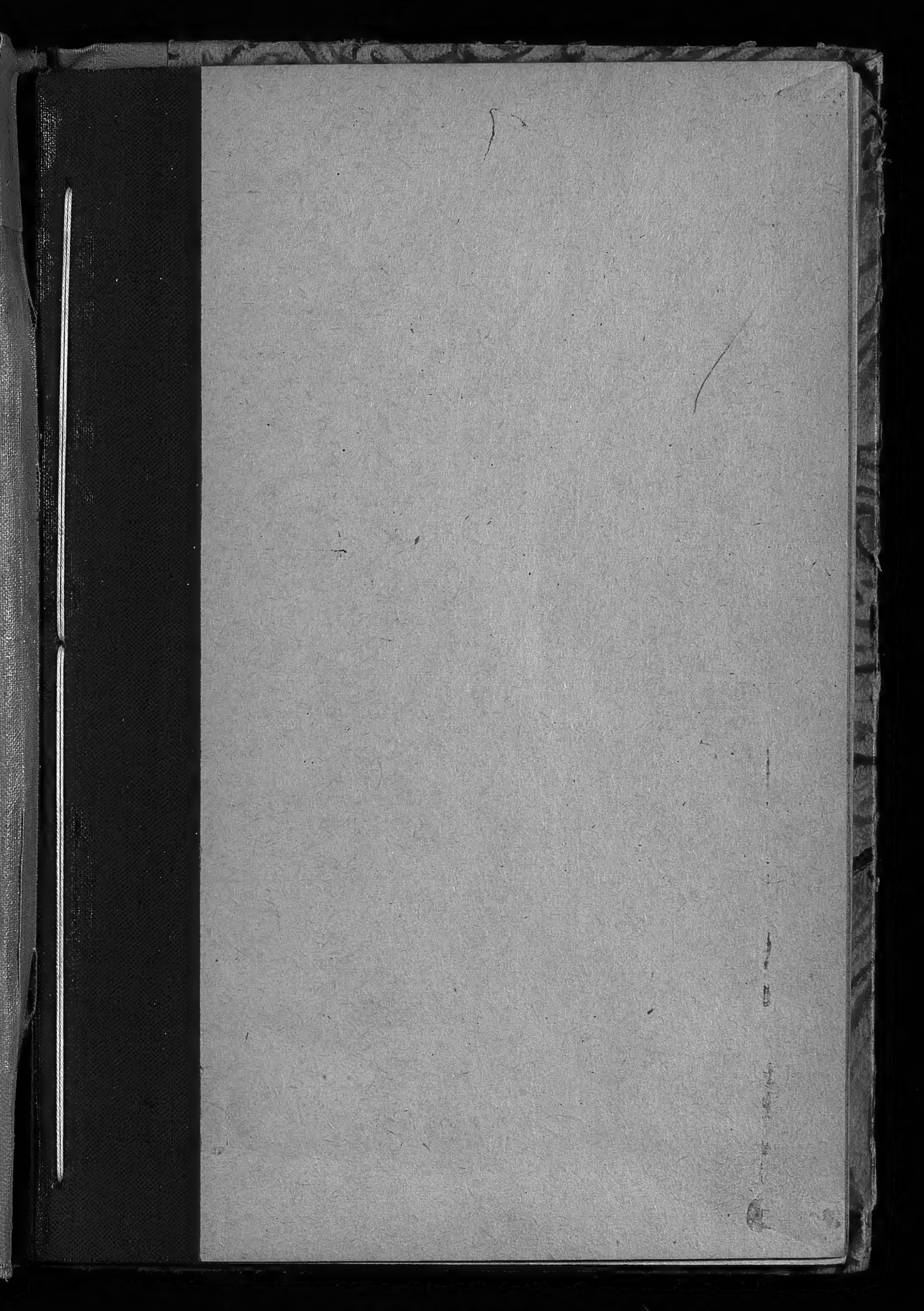
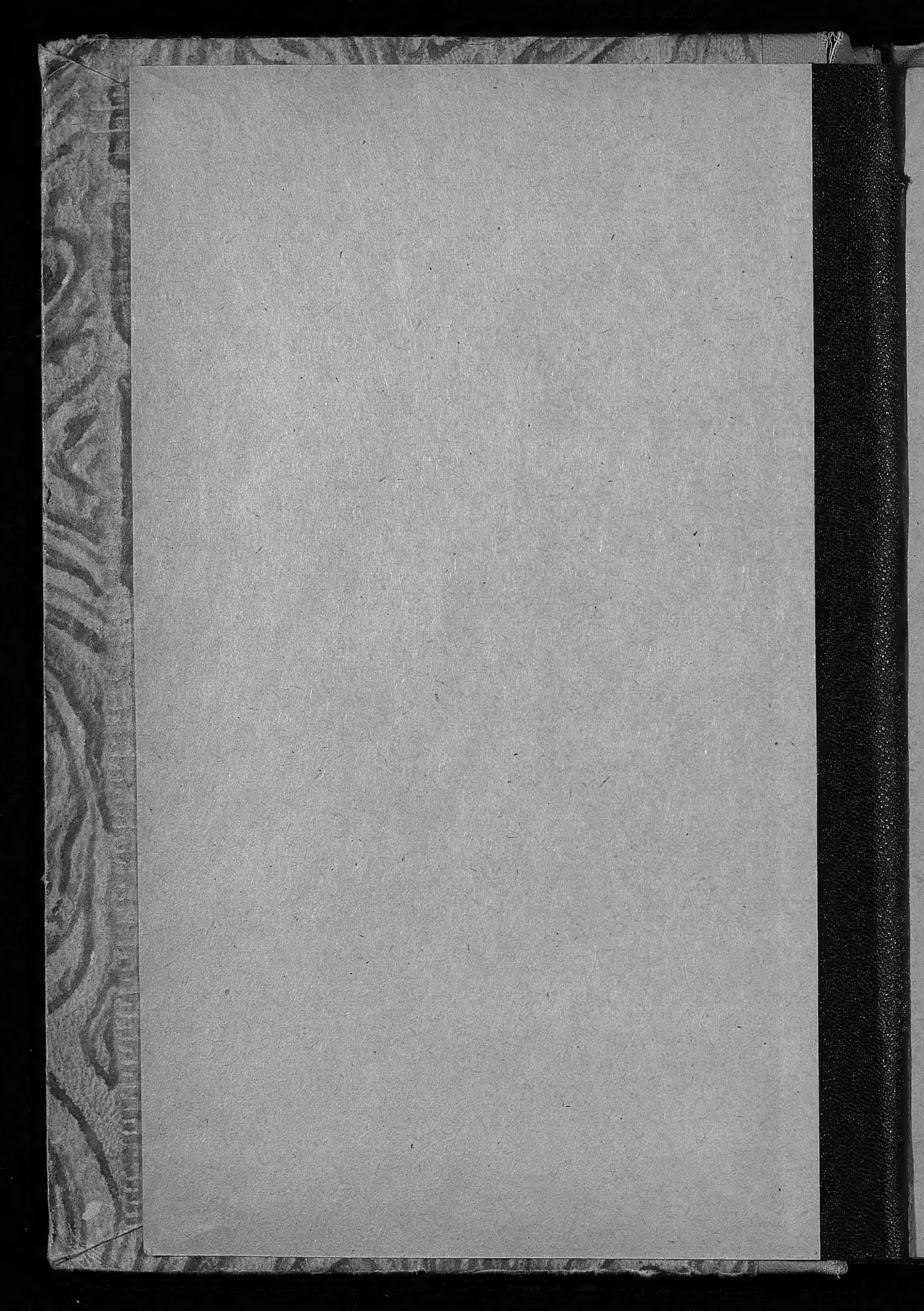
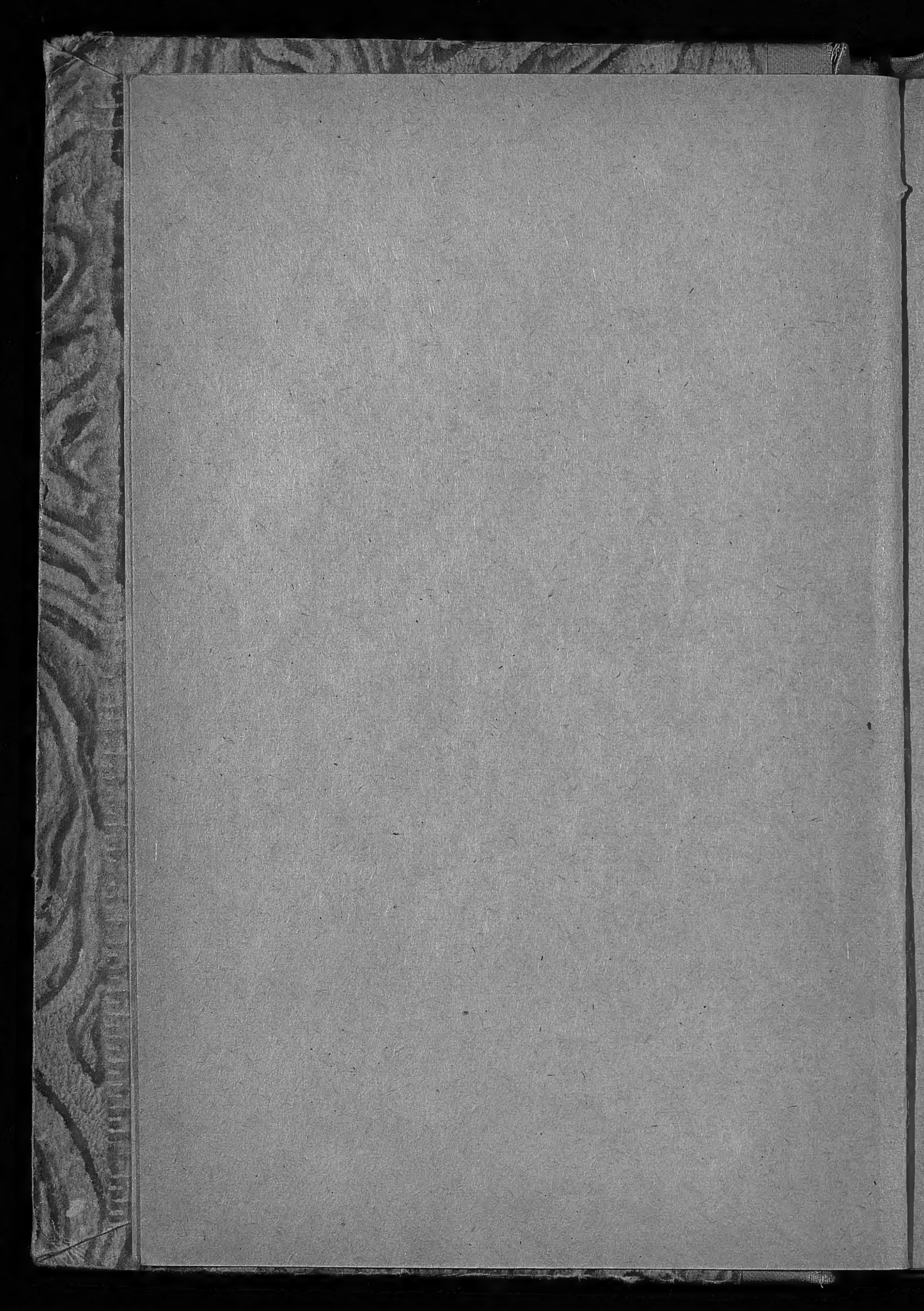










ТРУДЫ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ СЕКЦИИ Ц. С. ОСОАВИАХИМА

★

# ВОЙНА
# И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

1-АЯ СЕРИЯ

МИРОВАЯ ВОЙНА
И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО РОССИИ

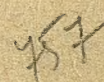


№ 44

В. И. БИНШТОК и Л. С. КАМИНСКИЙ

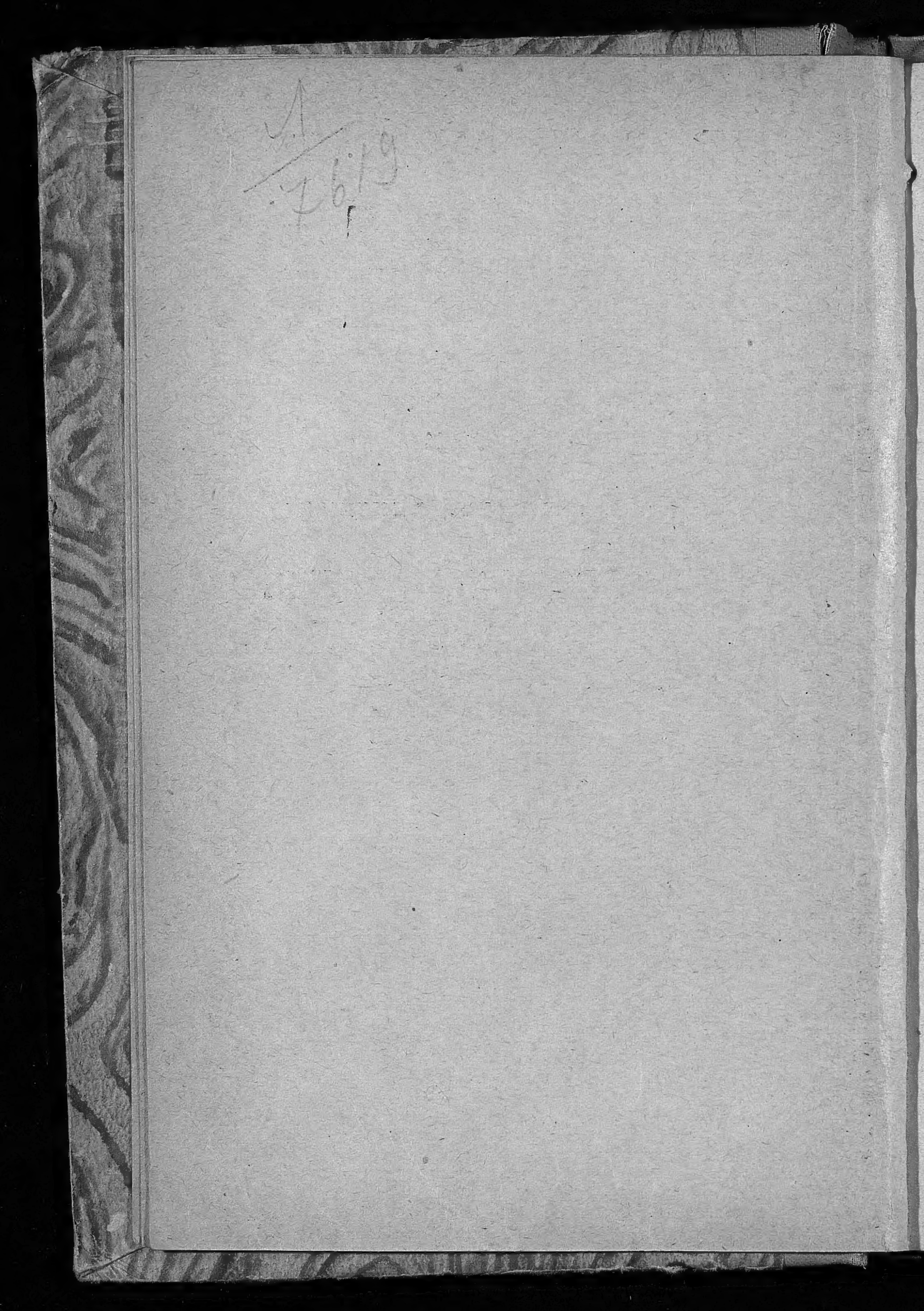
# НАРОДНОЕ ПИТАНИЕ И НАРОДНОЕ ЗДРАВИЕ

С ПРЕДИСЛОВИЕМ
Н. А. СЕМАШКО



ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1·9·2·9



*ТРУДЫ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ СЕКЦИИ ЦС ОСОАВИАХИМА*

*ВОЙНА И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО*

СЕРИЯ ПЕРВАЯ

МИРОВАЯ ВОЙНА И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО РОССИИ

№ 44

В. И. БИНШТОК и Л. С. КАМИНСКИЙ

# НАРОДНОЕ ПИТАНИЕ И НАРОДНОЕ ЗДРАВИЕ

С ПРЕДИСЛОВИЕМ
Н. А. СЕМАШКО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОТДЕЛ ВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1929 ЛЕНИНГРАД

*В. И. Биншток и Л. С. Каминский.* — *«Народное питание и народное здравие в войну 1914—1918 гг.»* Авторы подробно рассматривают вопросы питания военного и гражданского населения во время войны, социальных болезней, вызванных войной, и санитарного обслуживания армии и населения во время империалистической войны 1914 — 1918 гг. Авторы использовали всю имеющуюся литературу по этим вопросам, что делает этот труд особенно ценным для военного читателя, не имеющего возможности изучить всю массу литературы по затрагиваемым вопросам. Книга предназначается для всех работников в области санитарии как в Красной армии, так и среди гражданского населения.



В. 12. Гиз № 31265.
Ленинградский Областлит № 31741
$5^3/_4$ л. Тираж 2000.

(ОТ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ СЕКЦИИ ЦС ОСОАВИАХИМА).

В 1926 г. инициативной группой был поднят вопрос о необходимости и своевременности организации научного исследования проблемы экономики войны. В связи с этим в начале 1927 года Научно-исследовательской секцией Осоавиахима было приступлено к организации исследования, посвященного вопросам подготовки народного хозяйства к войне. В дальнейшем исследование вылилось в 4 цикла: 1) мировая война и народное хозяйство России, 2) гражданская война и народное хозяйство Советской республики, 3) опыт капиталистических стран в мировой войне и их современная экономическая подготовка, 4) народное хозяйство Советского Союза и проблемы обороны.

При этом считаем нужным подчеркнуть, что предметом исследования является не столько история той эпохи, сколько опыт большой войны. Основной задачей исследования является не столько изучение непосредственного влияния войны на трансформацию народного хозяйства, сколько изучение работы народного хозяйства на нужды войны.

Работа развертывалась постепенно, начавшись с исследования народного хозяйства в период империалистической войны. Подытожить исторический опыт и, прежде всего, опыт империалистической войны представляется совершенно необходимым. В буржуазных государствах для изучения опыта войны созданы специальные научно-исследовательские институты и над изучением этих вопросов работают сотни ученых. В этой области выполнены огромные исследования и обработан обширный материал, о чем говорят многотомные библиографические сборники.

Имевшиеся в нашей литературе отдельные разрозненные работы представляются далеко не удовлетворительными. Необходимо было от отдельных, зачастую случайных, тем перейти к исследованию этого опыта, связав его с задачами современности.

Не случайно, что идея этой работы зародилась в недрах той общественной организации, которая на протяжении ряда лет с такой чуткостью откликается на вопросы, стоящие на очереди в деле усиления обороноспособности страны.

НИС Осоавиахима, организуя практически необходимую работу, вместе с тем поставил своей задачей вовлечь наших специалистов, наши научные силы в дело содействия обороне страны на том поприще, на котором это привлечение наиболее эффективно. Едва ли возможно отрицать, что все еще не изжит разрыв между экономикой и военной мыслью, и до настоящего времени проблемы подготовки страны к обороне в значительной степени нужды экономи-

стам и хозяйственникам, которые не представляют себе ни характера войны, ни размаха ее, ни тех общих основ, на которых базируется вооруженная сила, а отсюда и тех задач, которые ставятся войной перед народным хозяйством. С другой стороны, значительные слои военных работников далеки от вопросов экономики, недостаточно знакомы с ними, недостаточно уяснили себе взаимозависимость между ведением войны и состоянием народного хозяйства. Совершенно очевидно, что военные специалисты должны возможно глубже ознакомиться с экономическими проблемами, а экономисты— отдать должное изучению тенденций развития народного хозяйства в целом и отдельных его отраслей под влиянием войны. Отсюда замысел и установка исследования «Война и народное хозяйство».

Таким образом с самого зарождения своего это исследование проникнуто животрепещущими заданиями дня, тесно увязано с современностью; поэтому оно неизбежно переживало за последние 2 года эволюцию как в смысле расширения самого охвата, так и в смысле уточнения и углубления установок, по мере общего развертывания у нас плановой мысли.

В настоящее время НИС Осоавиахима приступает к опубликованию работ и в первую очередь по первому циклу исследования, куда входят более 30 монографий, общим размером свыше 200 печатных листов.

К составлению вышеуказанных монографий было привлечено более 70 авторов из числа крупных научных работников и виднейших специалистов. При наличии такого обширного коллектива потребовалась большая организационно-методическая работа для того, чтобы добиться осуществления общей установки в работе.

Следует указать, что в лице коллектива привлеченных к работе научных сил мы далеко не имеем однородной группы. Вся работа представляет собой ряд отдельных монографий, в которых сохранены оттенки, отличающие взгляды их авторов. Это неизбежно в коллективной работе такого масштаба, но все же в самых существенных элементах все работы увязаны между собой в той мере, чтобы отразить внутреннюю связь и взаимозависимость частей всего сложного комплекса народного хозяйства, работающего в условиях войны.

На важнейших этапах работы по каждой части исследования вопросы подвергались специальному обсуждению при участии авторов. Такими этапами были: установление об'ема задач и их характера по каждой части исследования, рассмотрение представленных авторами программ и рассмотрение самой работы. В процессе работы происходил и происходит постоянный живой обмен мыслей с авторами. Не было ни одной программы, которая не подвергалась бы исправлению, а зачастую и коренной переработке, не было ни одной исполненной работы, которая не прошла бы ту же стадию согласований, исправлений и дополнений.

Особо следует упомянуть о трудностях при пользовании архивными материалами. Отсутствие систематической обработки богатейшего архивного материала, относящегося к периоду войны 1914 — 1917 гг., разбросанность его, трудность получения сведений о наличии тех или иных материалов и местонахождения их — являлись серьезным тормозом при пользовании ими. А между тем по харак-

теру тех задач, которые ставятся перед авторами работ, использование архивов совершенно необходимо.

Мы считаем нужным оговориться о некоторой возможной нестройности архитектоники плана в целом, т. е. возможного несоответствия размеров отдельных работ месту и значению исследуемого вопроса. Это об'ясняется тем, что отдельные работы писались в различные периоды, а масштаб исследования расширялся по мере развертывания его, по мере того, как жизнь выдвигала все более отчетливо и все более разносторонние задачи, и в меру того, как углублялся и нарастал опыт того коллектива, который был привлечен к работе.

Само собой разумеется, что идеалом выполнения поставленной задачи явилось бы вполне законченное во всех своих частях исследование, однако для этого потребовалось бы ждать окончания всех отдельных монографий для их взаимной увязки. Путем увязки программ может быть достигнуто известное единство установки, но полное согласование работ, в особенности в части цифрового материала возможно лишь по завершении всего исследования. К сожалению, мы не имеем возможности ожидать завершения всего исследования в целом и принуждены дать читателю уже накопившийся материал, поскольку мы не можем игнорировать требований дня. Стремление к улучшению качеств работ и без того уже вызвало значительную задержку в опубликовании монографий. Нельзя забывать, что Осоавиахим, как массовая организация, должен в первую очередь проявлять инициативу и будить общественную мысль. И наше исследование потеряло бы в значительной степени свое значение, если бы мы замкнулись в научной среде и не сумели бы вовремя привлечь более широкие круги к обсуждению основных проблем экономики войны и тем самым стимулировать мысль к постановке новых вопросов в этой области.

Считаем необходимым также указать, что исследование не претендует на то, чтобы быть исчерпывающим. Оно ни в коем случае не может и не берется заменить специальных исследований по отдельным вопросам, им охваченных. Задачи настоящего исследования сейчас сводятся в основном к тому, чтобы:

1) дать фактический и достаточно проверенный материал; сосредоточить мысль научных работников и специалистов на основных проблемах народного хозяйства во время войны, и также на вопросах теории методологии экономической подготовки страны к обороне;

2) ознакомить военных работников с экономическими вопросами войны, в частности с требованиями военного времени к отдельным отраслям народного хозяйства; вместе с тем, изучение этих вопросов должно поставить перед военной мыслью ряд широких стратегических проблем — зависимость форм и характера ведения войны в связи с состоянием народного хозяйства;

3) привлечь внимание широких общественных кругов Союза к экономическим проблемам войны.

При всех недочетах работы, которые нами вполне сознаются, мы решаемся приступить к выпуску их в свет, поскольку на данном этапе эти работы являются необходимой предпосылкой к дальнейшей, более совершенной и углубленной, разработке вопросов экономики войны.

## ПРЕДИСЛОВИЕ.

Империалистическая война еще долгое время будет служить предметом разностороннего исследования. Такое колоссальное, небывалое в истории потрясение всех основ хозяйственной жизни народов, какое было вызвано мировой войной, естественно должно быть подвергнуто самому детальному изучению. И среди задач такого исследования одно из первых мест должно занять изучение биологической стороны этого явления. Ибо всякая война представляет травматическую катастрофу, отражающуюся на жизненных ресурсах страны, а минувшая империалистическая война является катастрофой совершенно исключительной как по размерам своим, так и по глубине, катастрофой, потрясшей до самых оснований социальные и биологические корни народов.

По изучению империалистической войны у нас уже накопилась некоторая литература, в частности имеются уже ценные труды по изучению санитарных последствий войны. Однако литература эта носит разрозненный характер, и потому нужно самым горячим образом приветствовать инициативу Научно-исследовательской секции Осоавиахима в изучении социально-биологических последствий войны в общем исследовании «Война и народное хозяйство».

Работа составлена знатоками дела, написавшими уже не один труд на трактуемые ими темы.

В предлагаемом читателю труде проработаны вопросы, сравнительно мало освещенные до настоящего времени: питание военного и гражданского, городского и сельского населения во время войны; алкоголизм во время войны. Таким образом, мы имеем перед собой ценную работу, дающую ясное представление о социально-биологическом влиянии войны на население. Авторами труда была использована вся имеющаяся по этому предмету литература (см. прилагаемый перечень), что делает его особенно ценным для читателя, не имеющего возможности воспользоваться всей литературой по этим вопросам.

Чрезвычайно важен и вывод, который напрашивается из этого труда у читателя. Если международная бойня во славу капитала — вообще гнусная вещь, то разрушительный характер ее особенно резко выявляется в социально-биологическом разрезе изу-

чения. Достаточно перелистать эти страницы, где перечисляются десятки миллионов убитых, искалеченных, пропавших без вести; где описываются катастрофические потрясения самых основ социально-биологической жизни народов, чтобы почувствовать, что за сухими статистическими цифрами скрывается море крови и человеческих страданий, и чтобы каждая фибра души затрепетала ненавистью к мировой бойне и ее виновникам.

Такое изучение должно еще сильнее толкать вперед к разрушению того строя, который непрерывно грозит еще более опасными международными столкновениями. Но до тех пор, пока капиталистический строй существует и Советский Союз окружен враждебными ему силами, изучение империалистической войны представляет для нас не только академический интерес, ибо мы не гарантированы от новой, еще более ужасной войны. Исследование минувшего выявляется тогда для нас в совершенно новом свете, именно как учет опыта, который должен помочь нам в подготовке страны к обороне в санитарном отношении.

Само собой разумеется, что прошлая война протекала в нашей стране в совершенно иных социально-политических и социально-экономических условиях, и это кардинальное отличие должно быть полностью учтено нами теперь.

Мы твердо уверены, что преимущества нашего строя и советской медицины, в частности, выявятся с еще большей яркостью в тех условиях, в которые мы будем поставлены, если Советский Союз будет вовлечен в новую войну.

Мы надеемся, что появление настоящей работы вызовет интерес к дальнейшему изучению этого вопроса и привлечет внимание советской общественности к проблемам здравоохранения в связи с войной.

*Н. Семашко.*

# ВВЕДЕНИЕ.

Мировая война, разрушительно повлиявшая на все стороны человеческого общежития, прежде всего и сильнее всего ударила по народному здоровью. В то время как во многих других областях общественной жизни сокрушительное влияние катастрофы сказывалось более или менее постепенно и со всей силой обнаружилось уже по окончании войны или к концу ее, общественное здоровье почувствовало войну вместе с первым выстрелом.

Историкам минувшей войны, вскрывающим многочисленные сложные процессы социально-экономических отношений рушившегося государственного здания России, предстоит нелегкая задача собирания огромного, неизбежно противоречивого материала, накопившегося в различных областях и ожидающего своего об'ективно-исторического освещения. И если подведение итогов минувшей войны в хозяйственной жизни страны далеко еще от своего завершения, то в интересующей нас области — в вопросах народного питания и состояния народного здравия за годы войны — мы располагаем исключительно недостаточным и отрывочным материалом, использование которого представляет большие, почти непреодолимые трудности. К сожалению, приходится признать, что многое в этой области пропало безвозвратно.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

# ОБЩИЕ ОСНОВЫ ПИТАНИЯ.

Многочисленные работники в деле изучения продовольствия страны в годы войны констатируют, что «присылка материалов с мест была крайне скудна, а газетный и журнальный материал отличался крайней случайностью и бессистемностью». [1] Несмотря на очевидность и важность мероприятий в области народного питания во время войны, мы имеем ничтожное количество данных, могущих осветить фактическое состояние его у различных групп населения.

Общепризнанным считается, что пища является необходимым фактором физического и духовного благосостояния человека — ни то, ни другое немыслимы без правильного питания.

Будущее, говорит Спенсер, принадлежит лучше питающемуся народу. По мнению Бокля, история народов может быть написана по пище, которую они употребляют. Полководцами всех стран также замечено, что «энергия сражающихся определяется прежде всего количеством и качеством пищи; войско из слабых и плохо упитанных людей может иногда, под влиянием энтузиазма, совершать чудеса храбрости, но неспособно к продолжительному и упорному сопротивлению» (Nitti). Многочисленными исследованиями доказано, что продуктивность жизни, прогресс народов и вместе с тем состояние их здоровья и физическое развитие в значительной мере находятся в зависимости от питания. Естественное движение населения, заболеваемость его находятся в тесной зависимости от способов питания.

Губительное влияние недостаточного питания на растущий организм выражается в резком отставании всех физических показателей от нормы. Даже высшие органы, регулирующие сознательную жизнь человека, центры нервной деятельности, значительно поражаются при недостатке питания, что влечет за собой и психические расстройства.

[1] Материалы по вопросам организации продовольственного дела, под общей ред. А. Чаянова, вып. 1, 1916 изд. главн. комитета Всероссийского земского союза.

«Хорошо питающиеся народы могут безнаказанно развивать интенсивность своего труда. Скудно питающиеся в постоянных перипетиях промышленной борьбы, если еще способны к приспособлению, роковым образом приводятся к органическому вырождению, представляющему одну из величайших опасностей капиталистического строя. Статистика потребления и производства показывает, что во всех странах, в которых дурно питаются, мало людей, способных к энергичному труду, и наоборот, в тех странах, которые стоят наверху промышленной лестницы, где существует высокая заработная плата, — обыкновенно бывает большая производительность труда, и сумма народного потребления гораздо значительнее».[1]

С физиологической точки зрения работа организма требует достаточного запаса энергии в пище, покрывающей его затраты. Энергия эта должна находиться в такой форме, в которой она может быть усвоена организмом. Кроме того пища должна доставлять материалы, необходимые для постройки живого вещества. Ценность утилизируемых организмом продуктов определяется их энергией и имеет следующие цифровые выражения: 1 *г* белка, 1 *г* углеводов дают в организме по 4,1 калорий, а 1 *г* жиров — 9,3 калорий, что и определяет значение питательных веществ как источник рабочей силы.

Незаменимыми для строения тканей являются белки, особенно белки животного происхождения.

На основании эксперимента и длительных наблюдений физиологами выработаны нормы питания, причем для работы большей или меньшей тяжести принято считать необходимой пищу следующего состава — до 125 *г* усвояемых белков, около 70 *г* жиров и около 500 *г* углеводов, что в общем должно дать до 3 600 калорий.

Общепринятым до сих пор считаются нижеприводимые нормы питания (см. стр. 11):[2]

За годы войны все предложенные нормы претерпели большие изменения, и в них многочисленными исследователями и поныне вносятся различные поправки.

В 1921 г. проф. Крыженовским предложены для СССР следующие нормы: 3 500 калорий для лиц, исполняющих легкую работу, 3 800 — 4 000 калорий для лиц, занятых работой средней тяжести, от 4 500 калорий и выше для лиц, несущих тяжелый физический труд. Общее суточное количество белка не должно быть ниже 1 *г*

[1] П. Р. Смоленский. Простейшие способы исследования и оценки доброкачественности съестных припасов и пр., 1909 г.

[2] Цит. по К. М. Крыженовскому. Пищевые нормы, «Московский медицинский журнал», № 4 — 5, 1921.

на кило веса (примерно 70,0 — 100,0 *г* в сутки). При этих нормах, по крайней мере, одна треть или половина белков должна быть дана организму в виде животных белков.

| | Фойт | Рубнер | Тигерштедт | *Ro* |
|---|---|---|---|---|
| *Легкая работа* | | | | |
| Белков | — | 123,0 | 104 | 70 |
| Жиров | — | 46,0 | 60 | 50 |
| Углеводов | — | 377,0 | 464 | 320 |
| Калорий полезных | — | 223,0 | 2 600 | 1 904 |
| *Средняя работа* | | | | |
| Белков | 158,0 | 127 | 136 | 70 |
| Жиров | 56,0 | 52 | 93 | 60 |
| Углеводов | 500,0 | 509 | 556 | 420 |
| Калорий | 2 748 | 2 871 | 3 322 | 2 405 |
| *Тяжелая работа* | | | | |
| Белков | 245,0 | 165,0 | 182 | 70 |
| Жиров | 100,0 | 70,0 | 106 | 70 |
| Углеводов | 500,0 | 565,0 | 737 | 613 |
| Калорий | 3 217 | 3 280 | 4 277 | 3 378 |

Следует однако помнить, что вычисленные нормы питания чрезвычайно колеблются в зависимости от культурных, климатических, экономических и прочих условий. Так, Рубнер приводит следующие данные питания некоторых народов, исчисляя, сколько калорий приходилось в разных странах на душу населения в довоенное время:[1]

| | | |
|---|---|---|
| В Японии | 2 583 | калорий |
| » Италии | 2 612 | » |
| » России | 2 616 | » |
| » Германии | 2 671 | » |
| » Австрии | 2 825 | » |
| » Франции | 2 973 | » |
| » Англии | 2 927 | » |
| » Соединенных штатах | 3 308 | » |

Хотя в проблеме питания огромную роль играют биологические законы, решающее значение в данном вопросе социальных усло-

[1] Цит. по П. А. Ашмарину. Питание человека в связи с возрастом и работой, Гиз, 1925.

вий признано давно. Твердо установлено, что потребление коровьего масла и мяса вместе с тем является мерилом благосостояния отдельных групп населения, так как эти продукты, как наиболее дорогие по рыночным ценам, прежде всего выпадают из пайка при нехватке бюджета.

## ГЛАВА ВТОРАЯ.

# НОРМЫ ПИТАНИЯ СЕЛЬСКОГО И ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ДО ВОЙНЫ.

Как же питалось население России в довоенные годы? Являлась ли пища рабочего и крестьянина достаточной по количеству и удовлетворительной по составу? Общераспространенное мнение о том, что Россия — земледельческая страна и потому население в ней должно быть вполне обеспечено продуктами первой необходимости, особенно хлебом, разбивается при беспристрастном анализе цифр распределения потребления основного продукта питания — хлеба.

По данным Центрального статистического комитета [1] во всех 88 губерниях и областях б. Российской империи, кроме Финляндии, в среднем за 5 лет (1908 — 1912 гг.) собиралось всех главных хлебов (без озимого ячменя, овса и картофеля) столько, что, за вычетом семян из посевов, оставалось на продовольствие на 1 душу по 19,3 пуда. Центральным статистическим комитетом принято, что нормой душевого потребления хлеба является 15 пуд., т. е. излишек, остающийся от выведенной средней, равняется 4,3 п. на душу. Следует помнить, что указанная выше цифра — только средняя и даже при хорошем урожае многие губернии не давали не только излишков, но даже необходимого для продовольствия хлеба. Из 18 районов таких недобирающих районов было 11, а именно западно-сибирские, прибалтийские, северные, средневолжские, восточно-сибирские, туркестанские, северо-западные, степные, закавказские, центральные и озерные губернии и области, что составляет 50 губерний из общей суммы в 88. В первых 6 районах недостаток хлебов был от 0,19 — 3,38 пуд. на душу, а в последних 5 районах нехватало уже от 4,9 до 9,33 п на душу, т. е. $^1/_3$ — $^2/_3$ установленного пайка в 15 пудов для годичного продовольствия одной души. Следовательно 57% всех губерний и областей, т. е. большая часть по пространству и по населению страны, собирали, судя по данным за 1908 — 1912 гг., главных продовольственных

[1] «Статистический ежегодник», 1913, 1914 гг.

хлебов менее на $^{1}/_{3}$ — $^{2}/_{3}$ установленной нормы, необходимой для прокормления.

Проф. Тарасевич [1] на X Пироговском с'езде 1907 г. высказал мнение, что русский народ находится в состоянии постоянной народной болезни — недоедания (хроническое неполное голодание), причем достаточно было небольшого ухудшения, чтобы начались все ужасы голода.

О каких-либо физиологических нормах питания даже говорить не приходится. Шингарев [2] исчисляет суточный калораж крестьян Воронежской губернии на 1 душу с. Ново-Животинного в 2 833,7 кал. при 97,85 *г* белку, 22,12 *г* жиру и 543,12 *г* углеводов; на 1 душу дер. Моховатки — 91,98 *г* белка, 22,49 *г* жиров и 516,5 *г* углеводов, всего 2 703,9 калорий.

Суточный паек крестьянства некоторых губерний вырисовывается из следующих данных:

| | Белки | Жиры | Углеводы | Колич. калор. |
|---|---|---|---|---|
| Крестьяне Рязанского у. (Малышин) . . | 124,82 | 30,25 | 564,19 | 2 972,1 |
| » Верейского у. (Зарин) . . . . | 115,5 | 30,5 | 530,0 | 2 930,2 |
| » Воронежской губ. (средн. на 1 душу нас. из 230 хоз. с 1 912 душ (Щербина). . . . . | 110,72 | 47,32 | 518,56 | 3 020,1 |
| » Аккерманского у. летом в страдную пору (Галин) . . . | 141,12 | 76,28 | 660,06 | 3 994,2 |
| » Череповецкого у. Новг. г. (Грязнов) . . . . . . . . . . . | 146,75 | 50,85 | 770,15 | 4 232,2 |
| Киргизы-скотоводы (Щербина) . . . . . . | 145,24 | 62,53 | 369,93 | 2 693,7 |
| Южнобережные татары (Щепетов) . . . | 128,03 | 64,52 | 534,37 | 3 315,9 |

Сельское население довоенной России, по статистическим исследованиям, питалось хуже сельского населения других культурных стран. Средний душевой суточный паек — 2 617 калорий. Считая, что это число является средним количеством пищи, приходящимся на 1 душу сельского населения, нужно принять, что пищевой паек взрослого крестьянина будет содержать в себе большее количество энергии, вероятно выше 3 000 калорий. Между тем паек финляндского крестьянина — 3 674 калорий, итальянского крестьянина — 3 565 кал., крестьян штата Нью-Йорк — 3 785 калорий (по Палладину).

[1] Проф. Л. А. Тарасевич. О голодании. Речь на 10 Пироговском съезде 1907 г., изд. «Сотрудник», Киев.

[2] А. И. Шингарев. Вымирающая деревня, СПБ., изд. «Общественная польза», 1907.

Главную роль в питании русского крестьянина играют растительные продукты, преимущественно — хлебные. Мясо принимается в пищу в очень небольшом количестве. «Не велика роль и молочных продуктов. Если вычислить, какая часть белковых веществ получается в виде животных белков, а какая в виде белков растительного происхождения, то окажется, что 72°/₀ приходится на долю растительных белков и лишь 28°/₀ на долю животных. А между тем в пище американского населения животных белков содержится до 59°/₀».[1] Бюджетные данные, приводимые С. А. Клепиковым на основании различных исследований, унифицированные им и приведенные к единому масштабу, дают следующую картину питания русского крестьянства:[2]

КОЛИЧЕСТВО КАЛОРИЙ НА ОДНОГО ЕДОКА В ДЕНЬ[3]

| Губернии | Растительн. происхожд. | | В том числе хлеба | | Животного происхожд. | | Итого | |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| | Всего | °/₀ | Абсол. | °/₀ | Абсол. | °/₀ | Абсол. | °/₀ |
| Вятская . . . . . . | 4 265,92 | 83,9 | 3 057,65 | 60,1 | 820,39 | 16,1 | 5 086,31 | 100 |
| Вологодская . . . . | 3 246,83 | 81,2 | 2 453,84 | 61,4 | 751,81 | 18,8 | 3 998,64 | 100 |
| Олонецкая . . . . . | 4 639,43 | 78,6 | 3 484,18 | 59,1 | 1 261,22 | 21,4 | 5 900,65 | 100 |
| Новгородская . . . | 4 294,52 | 84,3 | 3 227,79 | 63,3 | 800,60 | 15,7 | 5 095,12 | 100 |
| Костромская . . . . | 3 148,47 | 85,0 | 2 313,12 | 62,5 | 555,06 | 15,0 | 3 703,53 | 100 |
| Московская . . . . | 3 247,30 | 78,4 | 2 340,00 | 56,4 | 898,23 | 21,6 | 4 145,55 | 100 |
| Калужская . . . . . | 2 929,17 | 94,0 | 2 131,71 | 68,5 | 182,34 | 6,0 | 3 111,51 | 100 |
| Тульская . . . . . . | 3 865,29 | 84,6 | 2 853,77 | 62,4 | 707,15 | 15,4 | 4 572,44 | 100 |
| Пензенская . . . . . | 2 504,68 | 84,4 | 2 597,38 | 62,6 | 646,52 | 15,6 | 4 151,20 | 100 |
| Тамбовская . . . . | 3 630,84 | 81,1 | 2 774,19 | 61,9 | 845,61 | 18,9 | 4 476,45 | 100 |
| Харьковская . . . . | 3 783,00 | 89,4 | 2 861,95 | 67,7 | 446,05 | 10,6 | 4 229,05 | 100 |
| Полтавская . . . . . | 3 490,10 | 85,8 | 2 593,96 | 63,9 | 572,90 | 14,1 | 4 063,00 | 100 |
| Херсонская . . . . | 5 450,58 | 95,8 | 4 161,16 | 73,1 | 238,34 | 4,2 | 5 688,92 | 100 |
| Прим. обл. . . . . . | 3 845,21 | 81,3 | 2 753,63 | 58,3 | 879,28 | 18,7 | 4 724,49 | 100 |
| Степной и Туркестанский край . | 4 714,58 | 79,0 | 3 624,45 | 60,7 | 1 251,05 | 21,0 | 5 965,63 | 100 |
| Сыр-дарьянская область . . . . . | 5 032,86 | 84,2 | 3 801,45 | 63,6 | 945,88 | 15,8 | 5 978,74 | 100 |
| Средняя по всей России . . . . | 3 946,79 | 84,2 | 2 939,39 | 62,8 | 737,65 | 15,8 | 4 684,44 | 100 |
| Средняя по Европ. России | 3 814,08 | 84,7 | 2 828,88 | 62,9 | 687,11 | 15,3 | 4 501,19 | 100 |

[1] А. В. Палладин. Основы питания. Харьков «Научная мысль», 1922.

[2] С. А. Клепиков. Питание русского крестьянства, вып. 1, стр. 12, 1920.

[3] В русской бюджетной литературе одна «душа» приравнивается 0,7 взрослого едока.

Исчисленные нормы несколько выше приведенных нами в предшествующем изложении. Разница в них, вероятнее всего, лежит в неоднородности методики собирания и разработки имеющихся материалов и неоднородности об'екта исследования. Просмотр таблицы ясно указывает на устойчивость в числе калорий, приходящихся на 1 едока в общем балансе питания и преобладающих в пище крестьянства, углеводистых веществ, преимущественно хлеба.[1] Среднее потребление (нормы) на 1 душу в день по всем 16 губерниям выразились в след.: белки — 116,2 *г*, жиры — 52,14 *г*, углеводы — 581,88 *г*; по 13 губ. Европейской России — белки — 110,5 *г*, жиры 49,30 *г*, углеводы 546,00 *г* (Клепиков).

Как видно из этих цифр, нормы потребления в Европейской России сильно понижаются, если исключить три области Азиатской России.

Так как нормы, выводимые С. А. Клепиковым, вполне соответствуют физиологическим нормам, то автор выставляет положение, что бюджетными исследованиями захвачено население с большей, чем средняя, обеспеченностью.

Недостаточность питания русского крестьянина усугублялась нерациональностью состава пищи. Благодаря преобладанию растительных продуктов пища мало усвояема, слишком об'емиста.

### КОЛИЧЕСТВО КАЛОРИЙ НА ЕДОКА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ДОХОДА
(заимствовано у *С. А. Клепикова*).

| Группы по доходу на 1 едока (рубли) | Продукты растительн. происхожд. | | В том числе хлеба | | Продукты белкового происхожд. | | Всего | |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| | Абсол. цифры | % | Абсол. цифры | % | Абсол. цифры | % | Абсол. цифры | % |
| До 100,00 . . . . . | 2 561,9 | 81,3 | 2 304,2 | 71,9 | 668,1 | 18,7 | 3 230,0 | 100 |
| » 100,01—150,00. | 3 090,4 | 75,6 | 2 742,7 | 65,9 | 1 048,6 | 24,4 | 4 139,0 | 100 |
| » 150,01—200,0 . | 3 760,8 | 72,5 | 3 202,2 | 62,8 | 1 341,9 | 27,5 | 5 072,7 | 100 |
| » 200,01 и выше . | 4 039,3 | 69,0 | 3 521,1 | 60,3 | 1 721,2 | 3[illegible],0 | 5 760,5 | 100 |

Что касается наиболее питательных продуктов, то размеры потребления их сельским населением были крайне ничтожны: мясо и рыба крестьянским населением употреблялась в количестве 1,24 пуда в год, при минимуме в Костромской губернии 0,57 пуд., что по раскладке на 1 день дает 0,06 фун. Среднее количество потребляемого масла для России — 2,4 фун., при потреблении в Ка-

[1] Из приводимых данных, в двух губерниях — Симбирской и Приморской области обследования произведены во время войны в 1914 — 1915 гг. Более подробно остановимся на них ниже.

лужской губернии почти в 0. Молоко, при среднем потреблении 8,6 пуд., спускается в Херсонской губернии до 0. Яйца, при среднем потреблении 3,2 фун., что отвечает 2 десяткам яиц в год на душу, в Вологодской и Олонецкой губерниях падает до 1,6 фун.[1]

При оценке питания следует принять во внимание дифференцировку деревни по благосостоянию, в которой следует учесть необеспеченность значительного числа населяющих ее. Эти данные не могут не поразить наблюдателя, привыкшего думать и знающего, что наша земледельческая страна вывозит свои продукты.

Как видно из таблицы, увеличение доходности влечет за собой абсолютное и относительное увеличение потребления продуктов животного происхождения. Кроме того на основании дальнейшего анализа имеющегося бюджетного материала С. А. Клепиков приходит к выводу, что с увеличением благосостояния происходит замена более тяжелых (по количеству продуктов их заменяющих) углеводов — более легкими жирами.

Повторяем, что приводимые данные относятся к наиболее обеспеченному крестьянству и имеют относительное значение. Уже в группе доходности на 1 едока до 100 руб., что для русской деревни не представляется редкостью, питание едва-едва достигает физиологических норм.

Характерно, что потребление основного продукта питания — хлеба, приходящегося на 1 едока, возрастает от 16,47 пуд. в год в первой группе дохода только до 27,87 пуд. в последней, тогда как потребление более полноценных продуктов возрастает с увеличением бюджета значительно быстрее.

Если принять потребление каждого из продуктов в низшей по бюджету группе за 100, то получится следующая картина: (по Клепикову):

| Группа по доходу на едока | Потребление хлеба | Потребление мяса и рыбы | Потребление молока | Потребление сахара |
|---|---|---|---|---|
| До 100,01 . . . . . . . . . . . | 100 | 100 | 100 | 100 |
| » 100,01 — 150,00 . . . . . | 119 | 176 | 151 | 163 |
| » 150,01 — 200,00 . . . . . | 139 | 201 | 173 | 237 |
| » 200,01 — 300,00 . . . . . | 148 | 312 | 183 | 287 |
| » 300,01 и выше . . . . . . | 164 | 560 | 237 | 375 |

Размеры питания городского населения определяются исключительно его материальным обеспечением, т. е. величиной заработ-

[1] А. В. Мольков. Социальные проблемы питания, Гиз, 1923.

ной платы, и, по признанию многих исследователей, нормы питания для рабочего населения признаются стоящими на очень низкой ступени. «И действительно, политическим революциям в России, каждому новому их под'ему предшествовал под'ем экономических забастовок, что является неоспоримым показателем несоответствия между потребностями рабочего класса и его экономическим благосостоянием накануне войны и революции». [1]

Для характеристики довоенного питания рабочих групп мы используем имеющиеся нормы, выведенные в ряде бюджетов:

**СУТОЧНОЕ ПИТАНИЕ РАБОЧИХ В КАЛОРИЯХ И В ОСНОВНЫХ ПИТАТЕЛЬНЫХ НАЧАЛАХ В СРЕДНЕМ НА ВЗРОСЛОГО ЕДОКА, ПО ДАННЫМ ДОВОЕННЫХ ОБСЛЕДОВАНИЙ**

**(заимствовано у *Е. Кабо*).**

| | Калории | | | Белки | | | Жиры | | | Углеводы |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| | Растительные | Животные | Всего | Растительные | Животные | Всего | Растительные | Животные | Всего | |
| Петербург. текстильщики, семейн. 1908 г. . . . | 2 740,9 | 514,5 | 3 255,4 | 73,83 | 37,70 | 111,53 | 16,62 | 36,26 | 52,88 | 562,39 |
| Баку, русские сем. раб., 1911 г. | 2 932,2 | 409,1 | 3 341,3 | 72,84 | 39,53 | 112,37 | 16,12 | 14,65 | 30,77 | 593,10 |
| Богородский уезд, раб., 1909 г. | 2 755,9 | 151,5 | 2 907,4 | 62,96 | 10,47 | 73,43 | 47,40 | 7,53 | 54,93 | 504,79 |
| Середский район, раб., 1910 г. . . . . | 2 850,5 | 185,8 | 3 036,3 | 68,00 | 14,58 | 82,58 | 29,00 | 9,56 | 38,56 | 564,50 |

При рассмотрении последней таблицы явственно бросается в глаза незначительное содержание полноценной (белковой) пищи в составе месячных норм. Мясные продукты, молоко, масло и яйца входят в состав пищи в чрезвычайно ограниченных размерах.

Число калорий в пище едва превышает в среднем 3 000 калорий — число, мало отвечающее требованиям современной физиологии. «При этом соотношение между жирами и углеводами нигде не достигает 1 : 10. Наиболее благоприятны в этом отношении условия в Петербурге, но и там соотношение это падает до 1 : 13.

[1] Е. Кабо. Питание русского рабочего до и после войны.

Не лучше обстоит дело и с белковым питанием. Так, общая сумма белков, и в том числе белков животного происхождения, достигает необходимой нормы только у бакинцев, значительно превосходящих остальных в отношении заработка. Столичные же и провинциальные рабочие-текстильщики получают только 80 — 70% физиологической нормы. При этом количество животного белка падает в Середском районе до 15 граммов, вместо рекомендуемых физиологами — 35» (Кабо).

**МЕСЯЧНЫЕ НОРМЫ ДОВОЕННОГО ПИТАНИЯ РАБОЧЕГО В СРЕДНЕМ НА ОДНОГО ВЗРОСЛОГО ЕДОКА В ФУНТАХ, ПО ДАННЫМ ДОВОЕННЫХ ОБСЛЕДОВАНИЙ**

(заимствовано у *Е. Кабо*).

| Название продуктов | Петерб., текст. сем., 1908 г. | Баку, русск., сем. раб., 1910 г. | Богородский уезд, сем. раб. 1909 г. | Середский район, текст., сем. 1911 г. |
|---|---|---|---|---|
| Мука и хлеб ржаной в переводе на хлеб ржаной | 53,25 | 12,16 | 35,88 | 30,97 |
| Мука и хлеб пшеничный в переводе на хлеб пшеничный | 20,33 | 41,24 | 8,05 | 20,57 |
| Крупа, рис и бобовые | 2,74 | 2,22 | 8,77 | 2,63 |
| Макароны, вермишель | 0,09 | 0,55 | — | — |
| Картофель | 31,38 | 17,27 | 25,62 | 18,22 |
| Капуста и прочие овощи | 10,67 | 8,78 | 7,82 | 15,47 |
| Грибы | 0,11 | — | 1,84 | 0,07 |
| Фрукты свежие и сухие | — | 7,95 | — | 1,75 |
| Масло постное | 0,82 | 0,69 | 2,82 | 1,49 |
| Сахар | 3,33 | 3,28 | 1,18 | 3,40 |
| Чай, кофе, цикорий | 0,85 | 0,21 | 0,12 | 0,19 |
| Всего продуктов растительного происхождения | 123,57 | 94,35 | 92,10 | 94,76 |
| Мясо и сало | 11,00 | 15,62 | 3,57 | 4,26 |
| Рыба | 10,08 | 2,16 | 0,57 | 1,57 |
| Молоко | 11,87 | 8,42 | 11,42 | 9,75 |
| Масло коровье | 1,21 | 0,10 | 0,23 | 0,25 |
| Сыр, творог, сметана | 0,31 | 0,17 | — | 0,01 |
| Яйца | 0,82 | 0,92 | 0,12 | 0,99 |
| Всего продуктов животного происхождения | 35,29 | 27,39 | 16,91 | 16,83 |

*

М. Давидович так характеризует питание петербургских рабочих: [1] «Бесполезный излишек углеводов, жиров, недоедание и белковое голодание — вот сжатая характеристика питания нашего ткача и с ним среднего петербургского рабочего. Общий решительный голод даже и в углеводах мы наблюдаем в группе I (более зажиточной), решительное недоедание в группе II (бедной) обеих категорий полных семей. Теперь понятно, почему ткачи изредка по праздникам поджаривают печенку: потому, как гласит один отзыв, что печенка помогает от куриной слепоты — болезни, как известно, являющейся результатом крайнего физического истощения. Недостаток питания отчасти восполняется сторонней помощью, которая в пище так же часта, как и в одежде. Так, обычен дележ лишним куском хлеба, оставшимися щами и т. п.».

Возрастание цен на предметы первой необходимости, в том числе на пищевые продукты, и несоответствие с ними роста заработной платы до империалистической войны 1914 — 1918 гг. отмечены многочисленными исследователями. «Данные бюджетных исследований, предпринятых среди петербургских и московских рабочих, нам говорят, что расход на пищу составляет в бюджете рабочего величину весьма значительную; так, петербургский рабочий, за вычетом расхода на квартиру и медицину, расходует на пищу $62^1/_2\%$ своего бюджета (49% всего бюджета семейного рабочего), а московский — от 55% до 88%, бельгийский рабочий — более 50%, берлинский 55%, французский 60 — 65%, американский $42^1/_2\%$. Таким образом расход на питание составляет от $^1/_2$ до $^2/_3$ и даже более всего расхода рабочего. Как мы уже могли убедиться выше, цены на главнейшие хлебные продукты поднялись за пятилетие большею частью на 55 — 70%, при одновременном росте заработка на 64%». [2]

В отношении бакинских нефтепромышленных рабочих указывается, что рост цен на большинство мучных продуктов оказался за пятилетие 1903 — 1907 гг. значительнее роста заработка за это же время. [3]

Рассмотрение состава пищи разных профессий в довоенное время, вычисленного различными авторами, представляется в следующем виде:

---

[1] Е. Кабо. Питание русского рабочего до и после войны, «Вопросы труда», 1926.

[2] А. Стопани. Бакинский нефтепромышленный рабочий, «Вопросы труда», 1926.

[3] К. И. Дебу. Пища и питание, изд. «Мысль», 1924.

| | Вес суточного количества пищи в г | В среднем суточном количестве пищи | | | | | Автор |
|---|---|---|---|---|---|---|---|
| | | белки в г | жиры в г | углеводы в г | число калорий | отнош. азот. вещ. к безазот. | |
| Наборщики в Петрограде . . . | 3 068,0 | 142,7 | 30,4 | 513,3 | 2 973,1 | 1 : 4,1 | Козловский |
| Мастеровые и рабочие Кронштадтского порта . . . | 1 740,0 | 122,9 | 42,5 | 563,0 | 3 207,4 | 1 : 5,4 | Тишков |
| Ж.-д. рабочие . . . | — | 144,7 | 54,2 | 804,7 | 4 396,6 | 1 : 6,4 | Ковалевский |
| Рабочие сах.-раф. завода Москвы . | 1 536,14 | 134,33 | 83,25 | 559,90 | 3 620,6 | 1 : 5,6 | Лебедев |
| Рабочие Тосненского кирпичного завода . . . . . . | 2 400 | 215 | 63 | 745 | 4 521,9 | 1 : 4,1 | Шор |
| Киевские студенты | — | 206,53 | 51,0 | 535,53 | 3 516,7 | 1 : 3,1 | Успенский |
| Петроградец в 1912 г. . . . . . . | — | 79,4 | 47,5 | 324,0 | 2 065,69 | — | Карницкий |

Размер суточного пайка (в граммах) крестьянина, рабочего и горожанина в довоенное время достаточно рельефно вырисовывается из следующей таблицы (по Клепикову):

| Продукты | Категории населения | | |
|---|---|---|---|
| | сельское | рабочее | общегородское |
| Хлебные продукты . . . . . . . . . . . . . | 857 | 787 | 808 |
| Картофель . . . . . . . . . . . . . . . . . . | 366 | 259 | 334 |
| Хлеб + картофель в переводе на хлеб . | 958 | 860 | 901 |
| Овощи и фрукты . . . . . . . . . . . . . | 142 | 125 | 121 |
| Масло растительное . . . . . . . . . . . . | 6 | 22 | 23 |
| Сахар . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . | 9 | 26 | 64 |
| Мясо . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . | 52 | 117 | 206 |
| Рыба . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . | 27 | 22 | 34 |
| Всего мясных продуктов . . . . . . . . | 78 | 137 | 240 |
| Молоко и молочные продукты . . . . . . | 365 | 142 | 288 |
| Яйца . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . | 3 | 9 | 24 |

Превышение мясных продуктов и яиц у горожан и рабочих отличает пищу их от крестьянского населения.

Сравнение питания сельского и рабочего населения в довоенные годы подтверждает уже сделанные ранее выводы о преимущественном хлебно-картофельном и молочном характере питания их в отличие от горожан, питание которых может характеризоваться значительно большим содержанием полноценных продуктов.

По докладу Карницкого, в 1912 г. на одного петроградского жителя приходилось в пудах в год:[1]

| | |
|---|---|
| Хлеба | 15,62 |
| Картофеля | 9,00 |
| Овощей и зелени | 3,69 |
| Мяса и дичи | 1,36 |
| Молока и молочных продуктов | 6,81 |
| Масла животного и растительного | 1,13 |
| Яиц | 32 шт. |
| Сахара | 1,00 |
| Чая | 0,02 |
| Меда | 0,03 |
| Соли | 0,72 |

«Наплыв населения в город создает изменение диэты. Простые однородные продукты деревни перестают удовлетворять человека, и начинается погоня за более богатыми белками и более вкусными продуктами. Мясо в городском быту является несомненно не только питательным, но и определенным вкусовым веществом, к которому люди заметно привыкают, как к спирту, никотину и т. д. Кроме того психологического фактора, который заставляет горожан вообще гнаться за вкусовыми раздражениями, что связано с быстрым темпом городской жизни, есть еще и более глубокое значение белковой пищи, которая, повидимому, необходима для более интенсивной умственной работы и кроме того связана с уменьшением об'ема пищи, что опять облегчает деятельнось кишечника в пользу других систем тела. Второй фактор городской жизни — вздорожание цен на то же мясо и более вкусные продукты — заставляет приспособляться и заменять одни продукты другими» (Словцов).

И действительно, во время войны значительно более была распространена замена мяса рыбой и затем дешевыми сортами гороха и бобами. Хлеб начал заменяться крупами и картофелем, коровьим сливочным маслом, сыром, салом и растительными маслами. Появились сушеные овощи, сухой картофель и бесконечное разнообразие консервов и всевозможных острых вкусовых веществ.

И если даже эти исследования и ряд более ранних исследова-

[1] Цитировано по Б. Н. Словцову. Пищевые раскладки.

ний (Эрисмана, Никитина, Десятова и др.) показывают, что по валовому количеству пищи паек исследованных групп русских рабочих подчас отвечает потребностям, незначительное содержание мяса, молока, яиц, масла понижает его значение и заставляет считать пищу малоценной и недостаточной.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

# ПИТАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ВОЙНУ 1914—1918 ГГ.

Тесная связь между гигиеническими условиями и народным хозяйством ни в одной области — особенно во время войны и послевоенные годы — не выявилась с такой ясностью, как в области питания. Экономические и естественно-научные работы о питании за очень короткий промежуток времени были поставлены перед новыми проблемами.

Питание народных масс, зависящее преимущественно от экономических причин, связанное со всеми процессами народного хозяйства, в период ломки и разрушения не могло не испытывать на себе влияния их и тем самым должно было во время войны несколько отличаться от мирного времени.

Сказанное имеет силу особенно для России, запасы которой разбросаны по огромной территории страны, а распределение их, как указано выше, весьма неравномерно. С первых дней войны перед страной была поставлена первоочередная задача правильной и бесперебойной переброски хлебных продуктов за тысячи верст с Кубани в Архангельск, из Сибири в Петроград и т. д. Несмотря на очевидное значение питания, особенно во время войны, когда и боеспособность армии в значительной мере зависит от степени ее обеспеченности продуктами первой необходимости, государственная власть проявляла в том вопросе преступную небрежность. Отсутствие системы и плана продовольствия, бесконечная вереница существующих и нарождавшихся органов, ведающих продовольствием, конкуренция ведомств, бюрократически-чиновничье отношение к делу, противоречивость распоряжений, почти полное отсутствие учета питания населения — таков общий фон, на котором вырисовываются отдельные штрихи этой важнейшей отрасли государственного организма во время мировой войны.

Но, в то время как в довоенные годы на характер питания оказывали влияние преимущественно материальные условия существования отдельных групп, в годы войны присоединился еще и абсолютный недостаток продуктов, причем благодаря возрастаю-

щей дороговизне нормы довоенного времени могли быть соблюдаемы весьма ограниченным кругом буржуазии, не стеснявшейся добывать продукты по какой угодно цене. Уже в начале второго года войны в городах начали ощущаться признаки недостатка продуктов. Война расстроила главным образом транспорт, в первую очередь обслуживавший военные перевозки, и затем сильно сократила подвижной состав железнодорожной сети. Кроме того война вызвала недостаток рабочих рук, живого и мертвого инвентаря и значительно сократила производство самих хлебов. Посевная площадь в некоторых губерниях сократилась на 20—50%, жестоко пострадала уборка хлебов, загнивавших на полях. Большое сокращение количества скота вследствие реквизиции и падежа во время беженства вызвало значительно падение мясного и молочного питания. А какое несметное количество с'естных припасов и других продуктов погибало во время военных действий!

При этих условиях начала усиливаться и фальсификация продуктов. Хлеб, масло, молоко, по многочисленным сообщениям с мест, стали появляться на рынках значительно более худшего качества, с примесью посторонних веществ.

Уже к октябрю 1916 г. начали появляться в прессе заметки, указывающие на «грозный» характер, который принимает продовольственный вопрос. Систематический недостаток муки становится общим явлением для городов и потребляющей и производящей полос России. Москва, Одесса, Николаев, Астрахань, Н.-Новгород, Ростов, Новочеркасск и др. беспрерывно жалуются на недостатки хлеба.

Повышение цен на продукты не останавливалось ни на одну минуту — уже к концу 1916 г. (справочные цены с июня 1914 г. по декабрь 1916 г.) цена на масло коровье возросла на 845%, телятину — 700%, битую птицу — 160 — 349%; рыбу свежую — 200%, молоко — 254% и т. д.

Добавочные выдачи для лиц, занятых тяжелым трудом, практиковавшиеся в Германии с первого года войны, у нас в России отсутствовали. Тогда как в Германии каждый грамм продуктов был учтен, в России постоянное «авось» служило основным принципом деятельности бюрократии царской России. Общественное питание, получившее широкое распространение в Германии с начала войны, к концу 1916 года насчитывало даже в крупных городах России десятки, если не единицы столовых. В периодической печати того времени описывалось печальное санитарно-гигиеническое состояние существовавших тогда столовых.

Как отразились первые годы войны на питании рабочих, можно ознакомиться из исследования Н. А. Свавицкого, изучив-

шего погодное питание московских рабочих за время 1909—1917 гг. в обследованных им артелях двух текстильных фабрик. [1]

Из различных приведенных Н. А. Свавицким таблиц можно усмотреть, что по общему количеству калорий питание изменялось следующим образом:

СРЕДНЕЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ В КАЛОРИЯХ НА ОДНОГО ЕДОКА.

| | 1913/14 г. | 1914/15 г. | 1915/16 г. | 1916/17 г. | То же в 1915/16 в процентах к 1913/14 | То же в 1916/17 в процентах к 1913/14 |
|---|---|---|---|---|---|---|
| 1 артель | 3 993 | 4 022 | 3 720 | 3 254 | 93 | 82 |
| 2 » | 3 517 | 3 474 | 3 368 | 3 262 | 96 | 93 |
| 3 » | 3 593 | 3 481 | 3 539 | 3 164 | 98 | 88 |
| 4 » | 3 340 | 3 221 | 2 713 | 2 583 | 81 | 77 |
| 5 » | 4 330 | 3 859 | 3 543 | — | 82 | — |
| 6 » | 4 132 | 3 724 | 3 774 | — | 91 | — |

Приведенная таблица показывает, что общее количество калорий в пище уменьшается во время войны, прогрессивно падая с каждым годом. Можно заранее предполагать что не только падает общее количество принимаемой пищи, но и понижается питательная ценность ее.

Нижеприводимые данные ярко иллюстрируют, как понижалось число калорий животного происхождения, столь необходимых в пищевом рационе.

ЧИСЛО КАЛОРИЙ ЖИВОТНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ПРОЦЕНТАХ КО ВСЕМУ ЧИСЛУ КАЛОРИЙ В СУТКИ НА ОДНОГО ЕДОКА.

| | 1913/14 г. | 1914/15 г. | 1915/16 г. | 1916/17 г. | То же в 1915/16 в процентах к 1913/14 |
|---|---|---|---|---|---|
| 1 артель | 22 | 26 | 23 | 14 | 52 |
| 2 » | 23 | 23 | 15 | 7 | 31 |
| 3 » | 15 | 14 | 10 | 5 | 33 |
| 4 » | 14 | 16 | 13 | 7 | 50 |
| 5 » | 25 | 24 | 16 | 13 | 52 |
| 6 » | 22 | 21 | 15 | 12 | 55 |

[1] Н. А. Свавицкий. Питание московских рабочих во время войны, «Вестник статистики» № 9—12, 1920 и № 1—4, 1921.

Не входя в рассмотрение питания отдельных артелей, мы видим, что % калорий животного происхождения, т. е. белковых веществ, снизился в большинстве артелей более чем на 50% в 1915/16 г., в 1916/17 г. резко упав еще ниже.

При более детальном изучении данных о потреблении мясных продуктов, пишет Н. А. Свавицкий, вскрываются еще некоторые характерные черты в изменении питания. «Прежде всего до 1915 г. во всех артелях группа «мясо и рыба» состояла из одной говядины, и только у механиков (I арт.) иногда появлялась солонина и свинина. С 1915/16 г., особенно с момента мясного кризиса (март 1916), во всех артелях появляется солонина, из которой весной и летом 1916 г. получалось от 1/2 до 2/3 всех мясных калорий. За последние же два года — 1915/16, 1916/17 гг. — при пониженном потреблении мяса все большее значение стала приобретать рыба, главным образом селедка, из которой весной и летом получался весьма значительный процент калорий».

Потребление мяса во время войны было ниже, чем в трехлетие 1907 — 1910 гг., когда в рабочих артелях соблюдались посты, особенно оно сократилось в артелях с наибольшим потреблением мяса в довоенное время. Рабочие как бы пытались заменить один сорт мяса другим и, чтобы сохранить белковое равновесие, прибегли и к рыбе, но результаты по отдельным артелям были неодинаковы, что стоит в связи с высотой заработной платы в них.

В потреблении жиров по всем артелям произошли крупные изменения. В некоторых из них в первый год войны прекратилось потребление молока. В 1915/16 году наблюдается заметное сокращение потребления сала, а в 1916/17 сала совсем не встречается в пище рабочих артелей. Недостаток сала, замененного коровьим маслом, не мог приостановить падения количества калорий, получаемых от жиров, и в артелях наблюдались месяцы, когда жиров совсем не было.

Если число калорий, получавшихся из жиров в довоенные годы, принять за 100, тогда в 1915/16 и в 1916/17 гг. оно сократилось следующим образом:

| | 1915/16 | 1916/17 |
|---|---|---|
| 1 артель . . . . . . . . . . . . . . . | 88 | 31 |
| 2 » . . . . . . . . . . . . . . . | 70 | 51 |
| 3 » . . . . . . . . . . . . . . . | 100 | 62 |
| 4 » . . . . . . . . . . . . . . . | 89 | 59 |
| 5 » . . . . . . . . . . . . . . . | 76 | — |
| 6 » . . . . . . . . . . . . . . . | 98 | — |

Сократилось точно так же в большинстве артелей потребление круп и овощей. Хлеб является основой питания рабочих. Хлебные

продукты всегда потреблялись в артелях в наибольших количествах и состояли из белого и черного хлеба и подправочной муки, а в некоторых артелях к этим продуктам присоединялись вермишель и макароны. За годы войны изменения в потреблении этих продуктов свелись к все более и более увеличившемуся значению в питании хлеба за счет других продуктов.

Как видно из приводимых данных, замена одних продуктов другими шла не по установленным физиологическим законам, по которым общее количество энергии, вносимое в организм, должно остаться неизменным, а путем понижения не только энергетической ценности продуктов, но и балансового эквивалента.

Нужно отметить, что в картине понижения питания всех групп артелей заметно стремление к выравниванию их питательной ценности, что никогда не имело место в довоенные годы, когда материальный достаток в известной мере выделял питание отдельных групп рабочих. Сопоставление заработной платы в месяц с стоимостью продовольствия, а также со стоимостью 1 000 калорий и средним дневным потреблением в калориях раскрывает нам тот процесс, который происходил с питанием рабочих во время войны.

ИЗМЕНЕНИЯ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ, СТОИМОСТИ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ И ПОТРЕБЛЕНИЯ В АРТЕЛЯХ В ПРОЦЕНТАХ СРАВНИТЕЛЬНО С 1913/14 Г.

| | 1 артель | | | | 2 артель | | | | 3 артель | | | | 4 артель | | | |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| | 1913/14 | 1914/15 | 1915/16 | 1916/17 | 1913/14 | 1914/15 | 1915/16 | 1916/17 | 1913/14 | 1914/15 | 1915/16 | 1916/17 | 1913/14 | 1914/15 | 1915/16 | 1916/17 |
| Заработнан плата в году | 100 | 109 | 154 | 223 | 100 | 115 | 154 | 249 | 100 | 103 | 132 | 231 | 100 | 116 | 154 | 294 |
| Стоимость продуктов в месяц | 100 | 116 | 153 | 279 | 100 | 112 | 147 | 230 | 100 | 105 | 134 | 229 | 100 | 115 | 142 | 267 |
| Стоимость 1 000 калорий | 100 | 118 | 166 | 346 | 100 | 113 | 152 | 300 | 100 | 108 | 135 | 269 | 100 | 121 | 174 | 339 |
| Среднее дневвое потребление в калориях | 100 | 101 | 93 | 82 | 100 | 99 | 96 | 93 | 100 | 97 | 98 | 88 | 100 | 96 | 81 | 77 |

Рост заработной платы отставал от повышения цен; повышение заработной платы приходило позднее повышения цен на предметы первой необходимости. Это несоответствие между ростом цен и увеличением заработной платы все более и более увеличивалось, достигнув своего максимума к концу 1916 года.

Как видно из приводимой таблицы, рост заработной платы не поспевал за ростом цен на продукты, и рабочие вынуждены были

## ПОТРЕБЛЕНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ ПРОДУКТОВ НА ДУШУ ПО ПОЛУГОДИЯМ В АРТЕЛИ КЕРОСИНОВЫХ ФОНАРЩИКОВ В МОСКВЕ (В ФУНТАХ)

(заимствовано у *Р. Кабо*).

| Периоды | В переводе на муку | | | Крупы | | | | Овощи | | | | | Масло подсолнечное | Мясо | | | Рыба всякая | Соль |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| | хлеб ржаной | хлеб ситный | всего хлеба | крупа ядрица | пшено | горох и вермишель | всего круп | картофель | капуста кислая | капуста свежая | грибы сущ., огур., лук и коренья | всего овощей | | говядина | сало свежее | всего мяса | | |
| С июля по декабрь 1914 г. | 224 | 45,3 | 269 | 52,5 | 2,6 | 6,4 | 61,5 | 38,9 | 15,4 | 19,2 | 3,8 | 76,8 | 9,0 | 44,8 | 3,8 | 48,6 | 11,5 | 9,0 |
| С января по июнь 1915 г. | 193 | 44,0 | 237 | 44,8 | 17,9 | 9,0 | 71,7 | 23,1 | 41,0 | 1,3 | 5,1 | 70,5 | 14,1 | 30,7 | 3,8 | 34,5 | 14,1 | 7,7 |
| С июля по декабрь 1915 г. | 214 | 33,7 | 248 | 61,5 | 11,5 | 5,1 | 78,1 | 25,6 | 6,4 | 42,3 | 3,8 | 78,1 | 9,0 | 46,1 | 6,4 | 52,5 | 10,3 | 9,0 |
| С января по июнь 1916 г. | 195 | 10,4 | 205 | 50,0 | 2,6 | 7,7 | 60,3 | 23,1 | 50,0 | 3,8 | 5,1 | 82,0 | 11,5 | 33,3 | 5,1 | 38,4 | 7,7 | 9,0 |
| | В процентах к осеннему полугодию 1914 года | | | | | | | | | | | | | | | | | |
| С июля по декабрь 1914 г. | 100 | 100 | 100 | 100 | 100 | 100 | 100 | 100 | 100 | 100 | 100 | 100 | 100 | 100 | 100 | 100 | 100 | 100 |
| С января по июнь 1915 г. | 86,1 | 97,1 | 88,1 | 85,4 | 700 | 140 | 117 | 60,0 | 266 | 6,7 | 133 | 91,8 | 157 | 68,5 | 100 | 71,0 | 122 | 85,8 |
| С июля по декабрь 1915 г. | 95,2 | 74,2 | 92,2 | 117 | 450 | 80 | 127 | 66,7 | 41,6 | 220 | 100 | 102 | 100 | 103 | 167 | 108 | 88,7 | 100 |
| С января по июнь 1916 г. | 87,3 | 22,8 | 76,2 | 95,1 | 100 | 120 | 980 | 60,0 | 325 | 20,0 | 133 | 107 | 129 | 74,2 | 133 | 79,0 | 66,5 | 100 |

сократить свое потребление. Сначала рабочие проедали большую часть своей заработной платы при ухудшавшемся составе пищи, а потом началось уже прямое недоедание.

Исследование А. Свавицкого касается только нескольких артелей двух текстильных фабрик Москвы.

Небезынтересные данные приводят. Овсянников относительно потребления продуктов питания артелей фонарщиков гор. Москвы за двухгодичный период с 1 июля 1914 г. по 1 июля 1916 г. [1]

Таблица ясно показывает динамику питания артелей в первые годы войны. Уменьшение потребления хлеба на 24% и одновременное сокращение потребления картофеля на 40% и рыбы на 33% снижают калорийность питания с 2 300 кал. до 2 144 кал., что уже является следствием военного времени.

Не исключена возможность, как пишет Е. Кабо, что в некоторых местностях огромные барыши капиталистических и государственных предприятий, обслуживающих армии, и недостаток в квалифицированной рабочей силе подняли заработную плату настолько, что и питание рабочих было достаточно велико. Так, по данным выборочного обследования, питание тульских рабочих в августе 1916 г., было весьма удовлетворительно. В среднем в сутки на 1 едока приходилось 5 026 калорий, в том числе растительных — 4 477; животных — 549.

Если разложить питание тульских рабочих на составные химические элементы, получатся следующие данные суточного потребления: белков — 143,8 *г*, в том числе растительного происхождения — 107,7 *г*, животного — 36,1 *г*, жиров 77,1 *г*, углеводов — 881,4 *г*. Основными продуктами питания (в фунтах) в месяц являлись:

| | |
|---|---|
| Хлеб | 74,96 |
| Овощи | 81,0 |
| Масло растительное | 2,85 |
| Сахар | 6,06 |
| Мясо и сало | 12,25 |
| Коровье масло | 0,49 |
| Молоко | 20,41 |
| Яйца | 2,11 |

Хотя пища эта количественно вполне достаточна, но преобладание растительных продуктов, в том числе и белков растительного происхождения, показывает, что она чересчур тяжела и об'емиста и не удовлетворяет основным физиологическим требованиям. По материалам специальных продовольственных обследований за

[1] Овсянников. Артельное харчевание фонарщиков гор. Москвы, 1916, цит. по Р. Кабо.

1915 — 1916 гг., произведенных в Саратове, Москве, Туле, Оренбурге и др. городах, и выведенным Р. Кабо цифрам суточное питание рабочего в городах состояло из следующих питательных веществ: белков — 95,9 *г*, жиров — 28,0 *г*, углеводов — 506,8 *г*, что в общей сложности составляет — 2 785,87 калорий. По данным Словцова, в некоторых пунктах России уже к концу 1915 г. среднее суточное потребление доходило лишь до 1 644 калорий. Количество — явно недостаточное, не говоря уже о качественном составе пищи.

Резкое ухудшение питания произошло главным образом в 1917 году, когда даже ударные группы рабочих и служащих в своем пайке уже были доведены до полуголодного существования. Рабочие получали в среднем в день 1 430 калорий, служащие 795. Конечно, на такого рода паек они существовать не могли и всяческими способами должны были стремиться довести питание хотя бы до физиологического минимума. Что это было необычайно трудно, если не невозможно, сомневаться не приходится. Таким образом переломный момент в питании в смысле полного недоедания наступил только в середине 1917 г.

Положение продовольственного вопроса может быть рельефно обрисовано следующими нормами выдач (число калорий в сутки), существовавшими в 1917 году для рабочих и служащих ударных предприятий в Петрограде.

| | Рабочие | Служащие |
|---|---|---|
| Май . . . . . . . . . . | 1 489,5 | 809 |
| Июнь . . . . . . . . . | 1 410,4 | 729 |
| Июль . . . . . . . . . | 1 698,4 | 961 |
| Август . . . . . . . . | 1 654,7 | 930 |
| Сентябрь . . . . . . . | 1 584,7 | 886 |
| Октябрь . . . . . . . . | 1 393,8 | 756 |
| Ноябрь . . . . . . . . | 1 167,3 | 691 |
| Декабрь . . . . . . . . | 1 038,4 | 601 |

Что касается всего населения в 1917 г., то в Петрограде, хотя и был установлен определенный паек для всех групп, но он был настолько ничтожен, что в среднем на рабочего (всех предприятий) приходилось (в фунтах) в сутки: мяса — 0,044, рыбы — 0,00 крупы 0,036, хлеба 1,31; на служащего: мяса 0,044, рыбы — 0,00, крупы — 0,036, хлеба — 0,68.

В отношении питания городского населения мы располагали еще данными выборочных исследований, произведенных в г. Саратове [1] и Москве [2] 1916 г.

[1] И. И. Кокшайский. Предварительные данные переписи населения и его пригородов, произведенной в 1916 г., Саратов 1916.

[2] Р. Кабо. Потребление городского населения России, М. 1918.

Нормы потребления продуктов, исчисленные в Москве по материалам анкетного обследования мая — июня 1916 г., дают в общем сравнительно благоприятную картину положения продовольственного дела в Москве. Потребление населения, хотя и потерпело некоторое сокращение по сравнению с довоенным временем, но относительно не очень значительное. И, поскольку по отдельным продуктам наблюдалось такое сокращение, оно, по крайней мере частью, компенсировалось увеличенным потреблением других продуктов.

Нормы потребления основных продуктов питания в Москве в 1916 году по полугодиям не претерпели никаких изменений, давая в среднем 2 463 калорий в день на душу, и состояли за год из следующих продуктов в фунтах: хлеб (в переводе на муку) — 352,2, крупа, рис, макароны — 95,6, мясо — 53,2 масло коровье — 12,3, масло растительное — 10,0, яйца — 292 штук, сахар — 68,4.

Лишь в 1917 г., начиная с июня, все основные продукты в Москве стали распределяться по карточной системе, причем «голодный» паек в отношении всего населения получил свое завершение уже в 1918 г.

Нормы годового потребления на 1 душу, исчисленные в некоторых русских городах в 1916 г. (Тула, Оренбург, Саратов), нужно считать количественно достаточными.

Состав питания в различных социальных группировках несет те же отличительные черты, как и указанные выше при рассмотрении питания рабочего населения более высокого достатка.

Исследование потребления 18 000 душ (Саратов) показало, что рабочее население (ремесленники, фабричные рабочие) питалось значительно хуже и количественно и качественно, чем буржуазное население (купцы, фабриканты, домовладельцы) и чем служащие (чиновники, духовенство, военные).

Нижеследующая таблица раскрывает нам отношения питания по различным социальным группам (см. стр. 33).

Рабочая группа по сравнению с чиновничьей и купеческой потребляла очень мало сливочного масла, молока, мяса, но относительно много растительного масла и черного хлеба. Сравнение среднего потребления всего населения с потреблением рабочей группы показывает, что всем населением потрблялось 18,15 пуд. белков, жиров и углеводов, а рабочим только 16,95 пуд., причем на продукты животного происхождения падало 12,8% против 15,4% в среднем для всего населения. Средний ежедневный рацион саратовского рабочего составлялся из 128,6 *г* белков, 56,6 *г* жиров и 581,2 *г* углеводов. На рабочих падал минимум пищи животного

происхождения, хотя и все население питалось преимущественно растительной пищей. Жировое питание рабочее население черпало преимущественно из растительного масла, лишенного существенных питательных свойств. И по этим данным мы видим, что центр Поволжья — Саратов, стоящий в плодоносной, производящей полосе, в 1916 г. по питанию далеко не удовлетворял тем требованиям, которые пред'являются современной физиологией, особенно для рабочей группы, требующей для восстановления затраченных сил значительно большего числа калорий, чем другие группы.

ПОТРЕБЛЕНИЕ НА ОДНУ ДУШУ В ГОД.

| | Рабочая группа | Группа чиновников | Группа купеческая | Прочие |
|---|---|---|---|---|
| Хлеб черный в пудах | 5,04 | 3,57 | 3,84 | 4,27 |
| » белый » | 8,23 | 8,86 | 10,07 | 8,96 |
| Мясо » | 3,36 | 5,28 | 5,16 | 4,08 |
| Масло топл. в фунтах | 9,40 | 21,90 | 24,89 | 15,52 |
| » постн. (растит.) | 26,4 | 20,4 | 26,4 | 25,2 |
| Сало в фунтах | 8,65 | 11,0 | 8,80 | 9,70 |
| Молоко четвертями | 17,64 | 33,36 | 31,08 | 23,76 |
| Масло коровье в фунтах | 2,33 | 9,71 | 8,84 | 5,31 |

Если взять цифры привоза продовольствия в Петроград и разделить его на число жителей, то, по расчетам Б. И. Словцова,[1] пищевой паек петроградского жителя на душу в день равнялся:

| | Белки | Жиры | Углеводы | Калорий |
|---|---|---|---|---|
| В 1912 году | 97,5 | 53,2 | 411,2 | 2 483 |
| » 1917 » | 84,8 | 41,2 | 253,3 | 1 763 |

Ясно, что на это нельзя было жить и главным подспорьем явилась связь с деревней и мешечничество.

Судя по многочисленным откликам, дошедшим до нас в чрезвычайно отрывочной, пестрой и едва ли сравнимой форме, не говоря уже о недостаточном количественном охвате материала о нормах питания до 1917 г., большинство крупных городов России, испытывая продовольственные затруднения с самого начала войны, не успело через свои научные институты и научно-практические лаборатории не только поставить массовые наблюдения над питанием, но и собрать качественно подходящий материал, могущий

[1] Б. И. Словцов. Недостаточное питание, «Новые идеи в медицине», сборник № 5, 1924.

служить историческим материалом для освещения всех сторон небывалой войны. Только 4—5 городов провели свои продовольственные обследования, суммированные в работе Р. Кабо. Попытки Союзов городов и земств осветить продовольственный вопрос, несмотря на огромную ценность собранных материалов, играющих роль первоисточников, сумели только свести данные, относящиеся к довоенному периоду. Все же из отрывочных данных, приводимых в настоящем очерке, можно убедиться в глубоких изменениях в питании городского населения в течение первых лет войны.

Интересно отметить, что потребление сахара в годы войны значительно возросло. Так, по данным переписи г. Тулы, потребление сахара рабочими и чернорабочими — 53,3 фун. и 59,8 фун. в год на душу значительно выше, чем оно определилось в мирное время для рабочих Баку — 42,6 фун., Москвы — 32,4 фун. по данным бюджетных исследований.[1] Точно так же потребление сахара в Москве, по предварительным анкетным данным, в 1916 г. для рабочей группы было 67,6 фун., в Саратове — 41,40 фун., в год на 1 душу. Указанные количества, правда, значительно уступают потреблению сахара группами высшего материального достатка, но они с непреложностью доказывают, что во время войны спрос на сахар, бывший до нее чрезвычайно низким, сильно возрос.

Это явление следует поставить в связь с уменьшением потребления алкоголя. Повидимому, связь между этими двумя явлениями несомненно существует. Уже давно известно, что потребление чая и сахара повышается в зависимости от культурных навыков и тем выше, чем выше культурный уровень населения. Этим можно подкрепить выставленное положение, ибо с уменьшением алкоголизации население естественно направляет свою мысль в сторону более культурного бытия.[2]

Тяжела вообще была доля города в годы мировой войны. Ему приходилось нести главное бремя лишений. По свидетельству многочисленных исследований, деревня во время войны начала усиленно потреблять такие предметы первой необходимости, которых она раньше и не видала. У нас в России в общем повторилась та же картина, что в Германии. Сельское население и производящие губернии оказались в лучшем положении, чем городское население и потребляющие губернии (Словцов, Рубнер). Мы уже указывали, что и до войны питание сельского населения было

[1] «Материалы по вопросам разработки общего плана продовольствия населения», вып. II и III, изд. Всероссийского союза городов.

[2] С давних времен алкоголь был излюбленным вкусовым средством. Роль и значение алкоголя в питании населения не затронуты в настоящей главе, так как значение алкоголизма как социального недуга будет выяснено в последующем изложении.

чрезвычайно низким. А в годы войны, хотя и сократилась посевная площадь, уменьшилось число голов скота, но благодаря все продолжающемуся расстройству транспорта и стеснительным ограничениям на цены продуктов питания вывоз из деревни сильно сократился, и продукты потреблялись в самой деревне.

Данные сельскохозяйственных переписей Симбирской губернии [1] представляются в следующем виде.

| Годы | Число скота на 100 хозяйств | | | На душу | |
|---|---|---|---|---|---|
| | коров | овец | свиней | хлеба в пуд. | картоф. в пуд. |
| 1904 | 94 | 326 | 56 | 45,0 | 37,8 |
| 1911 | 85 | 285 | 44 | 7,7 | 3,7 |
| 1915 | — | — | — | 34,2 | 6,0 |
| 1916 | 78 | 270 | 24 | 28,7 | 5,0 |
| 1917 | 84 | 284 | 41 | 31,0 | 5,3 |

Число голов скота за годы войны почти не сократилось. А количество хлеба, приходящееся на душу населения, хотя и меньше довоенных норм, но не говорит о недостатке такового.

В Тульской губернии, по обследованиям, произведенным в 1916 г. среди 750 семей, на 1 человека в день приходится 3 152 кал., при 104,4 *г* белка, в Новосельцевском уезде — 2 229 кал. при 57,7 *г* белка. [2]

Крестьянский паек Тульской губернии в 1916 г. состоял из следующих продуктов:

| | | | | | |
|---|---|---|---|---|---|
| Муки | 1 пуд. | 24 фун. | Масла и сметаны | 2,4 фун. |
| Крупы | — » | 6 » | Раст. масла | 7 » |
| Картофеля | 2 » | 14 » | Яиц | 5 шт. |
| Овощей | — » | 20 » | Соли | 3,8 фун. |
| Мяса | — » | 7 » | Чая | 0,6 » |
| Рыбы | — » | 0,6 » | Сахара | 0,8 » |
| Молока | | 23 бут. | | |

Не увеличивая числа примеров о питании сельского населения, можно с уверенностью утверждать, что оно почти не разнилось от довоенных норм со всеми отрицательными сторонами его, о которых говорилось выше.

[1] Я. Шостак. Санитарное состояние Симбирской губернии в связи с экономическим благосостоянием, войной и голодом, «Общественный врач» № 2, 1922.

[2] Б. И. Словцов. Пищевые раскладки, изд. НКЗ, 1922.

*

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

# ПИТАНИЕ АРМИИ.

В области питания отдельных групп населения наиболее изученным является питание армии, всегда служившей в этом отношении предметом специальных забот государственной власти. «Забота о желудке армии составляет основу войны» — этот афоризм Фридриха Великого остается непоколебимым до настоящего времени.

«Экспериментальные исследования Цунца и Шумбурга установили, что при обычной для солдата нагрузке и при движении по горизонтальной плоскости на килограмм веса и километр пути расходуется 0,51 — 0,55 калорий; если принять за среднюю величину 0,53 и сделать расчет для среднего солдата, имеющего вес 65 килограмм, несущего на себе 25 килограмм (одежда, снаряжение) и проходящего 30 километров в сутки, то мы получим расход, в круглых цифрах, 1 400 калорий. Кроме того солдат потребляет не менее 500 калорий на дополнительную работу, кроме маршировки; сложив эти числа с 2 000 калориями, продуцируемыми покоящимся организмом, мы получим, что для солдата, при условиях обычной гарнизонной службы, необходим обмен энергии, выражающийся числом в 3 900 калорий; во время маневров число это должно быть повышено до 4 200, а на походе — по возможности и выше».[1]

Выработанные для русской армии раскладки были составлены так, чтобы организм солдата мог без ущерба для себя развивать в случае надобности максимальную силу и выносливость, и определялись в брутто-калориях — 4 000 — 4 400 кал., при количестве белков около 100 *г*. Пища была рассчитана на три приема: завтрак (чай, сахар и пшеничный хлеб); обед (щи, суп и борщ с 1/2 фун. мяса и каши) и ужин (горячий суп и 1/4 фун. мяса). Ряд исследователей определяли ф а к т и ч е с к и й калориметрический эффект питания в мирное время в 3 301,62 кал., при ежедневном потреблении белков 117,2 *г*, жиров 20,4 *г*, углеводов — 642 *г*.

---

[1] К. В. Караффа-Корбутт. Борьба с инфекционными болезнями в действующей армии в условиях текущей жизни, Петроград 1917.

Караффа-Корбутт, исследуя рацион мирного времени, выражавшийся в 3 фун. (1 230 г) хлеба, $^{3}/_{4}$ ф. (300 г) мяса, 136 г гречневой крупы и в добавочном ассигновании определенной суммы денег (от $1^{1}/_{4}$ до $3^{1}/_{2}$ коп. на так-называемый приварок — (овощи, соль, сало, приправы), устанавливает средний рацион в 3 743 кал. при 159,2 г белка, 62,1 г — жиров и 610,5 г углеводов.

Не входя в детальное рассмотрение приведенных норм, недостаточных по сравнению с теоретическими, не говоря уже о многочисленных их отклонениях в действительности, — перейдем к рассмотрению норм и характера питания в военное время.

Официальное «Наставление об охранении здоровья войск действующей армии» от 25 июля 1914 года так трактует разбираемый вопрос.

На военное время (ст. 1162 кн. XIX Св. военн. пост. 1896 г., изд. 1911 г.) установлен был следующий рацион солдата: сухарей ржаных 1 фун. 72 зол. — 716,50 г, или хлеба ржаного 2 фун. 48 зол. — 1 023,77 г, крупы 24 зол. — 109,0 г, мяса свежего 1 фун.— 409,0 г или мясных консервов 72 зол. — 307,08 г (без оболочки), соли 11 зол. — 45,0 г, овощей свежих 60 зол. — 250 г или 4 зол. супа — 17,0 г, масла или сала 5 зол. — 21,32 г, подболточной муки 4 зол. — 17,00 г, саго $1^{1}/_{2}$ зол. — 6,39 г, сахара 3 зол. — 12,79 г, перцу $^{1}/_{6}$ зол. — 0,68 г.

По теоретическим нормам, для рационального покрытия затрат организм должен получать 115 — 123 г белка, 600 г углеводов и 140 г жира, что дает в сумме свыше 4 200 кал. По Наставлению указанный выше суточный рацион нашего солдата на военное время в отношении содержания в нем основных питательных начал заключает в себе 120 г белков, из коих 63,0 г животного происхождения, 576 г углеводов, 46,5 г жиров (включая жир мяса).

«Сравнивая содержание питательных веществ в нашем военном рационе с приведенным выше количеством их, требуемым физиологией для покрытия затрат организма, совершающего очень тяжелую работу, мы убеждаемся, что в отношении содержания белков и углеводов наш рацион на военное время представляется вполне удовлетворительным, в отношении же содержания жиров в нем существует очень значительная недостача» (подчеркнуто нами).

Недостача эта не может быть пополнена другими углеводами, вводимыми в организм с растительной пищей, так как количество таковых в нашем военном рационе доведено уже до тех пределов, за которыми усвоение их становится уже трудным, может вызвать расстройства пищеварительных органов и требует чрезмерной затраты энергии организма на самый процесс пищеварения».

Такова официальная оценка питания, рекомендующая в дальнейшем доведение жиров в суточном рационе до 110—120 г. В связи с тем, что однообразие пищи даже при самом питательном рационе сможет вредно отразиться на питающихся его контингентах, военно-санитарное законодательство предусматривало возможность замены одного продукта другим (ст. 1174 кн. XIX, изд. 1911 г. Св. военн. пост.).

В числе заменяющих продуктов, дающих возможность разнообразить пищу, а нередко служащих и единственным питательным веществом, на первом плане стоят: консервы мясные, рыба, колбаса и сухари — как замена хлеба.

Мясные консервы, приготовляемые из тушеной говядины или баранины, с санитарно-гигиенической точки зрения, вполне могли заменить свежее мясо, при условии должной укупорки, хранения и лишь периодичности употребления их. Положенная норма (72 зол.) вполне заменяла 1 фун. мяса. Следует отметить, что мясные консервы как постоянный продукт питания «приедались», кроме того невозможность согреть их, особенно бараний жир, вызывала весьма неприятные и болезненные явления во время похода. Замена мяса рыбой и колбасой кровяной, мясной и даже копченой, при неналаженности холодильного дела в России и необходимости во время войны переброски и хранения огромных количеств продуктов, представляла несомненную опасность для здоровья армии в смысле массовых отравлений.

Точно так же замена хлеба сухарями, при долгом хранении покрывающимися плесенью, подчас незаметной невооруженному глазу, и проникновении всяческих паразитов в них — не может считаться с гигиенической точки зрения равноценной, не говоря уже о наблюдавшихся случаях так-называемых сухарных поносов вследствие механического раздражения желудка и стенок кишек сухарными крупинками при вполне доброкачественном сухаре.

Проблема питания армии во время войны, сама по себе чрезвычайно тяжелая, осложнялась с первого же дня мировой войной в России и отсутствием, как уже было указано, правильно налаженного холодильного дела, и правильной транспортировки и хранения продуктов. С первых же дней войны начали ощущаться не только организационные дефекты в постановке питания армии, понижавшие качественную сторону питания, но и возможность количественного недостатка продуктов, предусмотренных существующими законами для снабжения воинских частей.

По лабораторным исследованиям, производившимся в тылу армии, можно косвенно судить о тех или иных недостачах, наблюдавшихся в армии. Обычно замена одного продукта другим могла

происходить только при утверждении таковой Военно-санитарным ученым советом. И действительно, уже с 26 июля 1914 г. в протоколах Совета мы находим отражение ряда вопросов, связанных с питанием армии, причем в течение войны почти не было ни одного заседания, на котором не стоял бы какой-либо вопрос, связанный с питанием и пищевыми продуктами.

Сроки рассмотрения отдельных вопросов рисуют нам все большие и большие стеснения, ощущаемые армиями в снабжении продуктами питания. С полным правом можно сказать, что постепенное ослабление действующих законов в отношении питания и допущение малоценных продуктов к употреблению, по времени совпадающее с аналогичными затруднениями в питании городского населения, отражают ту грандиозную катастрофу, которую пережила Россия во время мировой войны.

Уже в первых заседаниях Совета был разрешен вопрос о необходимости увеличения количества жира в виде добавочного отпуска свиного сала в размере 12 зол. для тыла и 20 зол. для передовых частей, в предвидении возможности при питании мясом уменьшения жирового рациона, благодаря ухудшению качества жира при массовых заготовках и невозможности столь строгого его отбора, как в мирное время. Увеличение жира признано необходимым даже за счет уменьшения порции мяса на $^1/_4$ фунта, если это увеличение окажется невозможным по финансовым соображениям.

Уже в августе 1914 года был установлен срок питания мясными консервами до 6 дней, так как Главное интендантское управление, распределявшее продукты, не было ознакомлено с этим сроком, а по данным прежних войн после употребления консервов более чем в течение 6 дней несомненно наступал вред для здоровья питающихся ими.

Выше уже было указано, что с первого месяца войны военное ведомство было озабочено заменой одного продукта другим. Суррогаты жиров — салолин, молока — сухое молоко, предложенные и отвергнутые военным ведомством, начали распространяться в населении (август 1914 г.).

Яичный консерв «Эгго», консерв амурской лососины, солонина для нужд военного ведомства сразу были допущены для замены продуктов; более того, говяжье топленое сало, качественно низшее, чем свиное сало и коровье масло, вошло в список разрешенных продуктов. Если добавить к этому, что в лечебных учреждениях получили широкое распространение консервы сгущенного молока, кофе и шоколад со сливками, то станет ясным, что проблема хранения, перевозки и содержания быстропортящихся продуктов с

начала войны стояла очень остро и пришлось напрягать все усилия к тому, чтобы заменить таковые консервами. Одновременно с допущением к употреблению различных консервов были сокращены и сроки их выпуска в целях быстрейшего снабжения армии. Так, уже в сентябре 1914 г., вместо двухнедельных сроков для мясных консервов и жестяночных консервов томата-жира их разрешено было выпускать через 7 дней, что, конечно, не могло не отражаться на установленных для них качественных нормах.

Намечавшийся недостаток продуктов заставил военное ведомство поднять вопрос о запрещении вывоза питательного сыра «чеддар» в Англию и допущению его к употреблению в некоторых воинских частях взамен ½ порции мясных консервов; на ряду с этим понижены были качества выпускавшихся мясных консервов, за счет жира, заменявшегося мясом. Недостача черного перца (сентябрь 1914) заставил военное ведомство заменить его другими сортами перца.

Как грибы после дождя, ежедневно выпускались на рынок новые консервы, признанные негодными для военного ведомства: появились мясо-растительные консервы, различные сорта молока — сгущенного, сухого и пр. суррогаты. И, если к концу 1914 года особенно волновали военное ведомство недостача и трудность перевозки преимущественно продуктов молочного происхождения и мяса и явилась необходимость подойти к употреблению и заготовке соленой баранины и других консервов, то, повидимому, и в отношении хлебных продуктов явились опасения в смысле своевременной и достаточной их доставки на фронт. Названное явление нашло себе отражение в допущении к употреблению в армии муки «дзамба», приготовляемой из поджаренного ячменя, т. е. уже начали намечаться контуры будущей нехватки злаков.

Начало 1915 г. знаменовалось распространением в армии огромного числа мясных консервов японского, шведского, датского происхождения. Все эти консервы были, по данным исследований центральной военной лаборатории, более низкого качества по содержанию жиров и белков, чем установленные нормами. Сохранившиеся с 1905 г. мясные консервы, по свидетельству лабораторий Николаевского военного госпиталя, оказались инфицированными, но запас их был настолько велик, что образцы их Центральной военной лабораторией были признаны годными и допущены к употреблению в армии.

Попутно ухудшилось положение с упаковкой мясных продуктов. Герметические дубовые и липовые бочки были заменены осиновыми, а к марту 1915 г., деревянными ящиками в пергаментной бумаге.

Конечно, эти меры, вызванные войной и оскудением запасов, не могли не вести к уменьшению срока хранения, а вместе с тем и большей порче мясных продуктов. Дальнейшим этапом недостатка говядины явилось введение сухого мяса, лишенного многочисленных жидких питательных начал. Ухудшение продовольственного дела вызвало допущение рыбных консервов, соленой рыбы и всяческих сортов мяса, ранее не употреблявшихся в армии.

К интендантству и делу снабжения армии примазалось бесконечное число «изобретателей». С конца 1915 г. резко уменьшилась доставка свежих продуктов, и армия фактически в большинстве своем употребляла только консервированные или с пониженной ценностью продукты.

Сухие консервы супов — гороховый, перловый, рисовый, картофельный, гречневый — нечто вроде сухой вермишели, приготовленной из растительных пищевых веществ с прибавлением мясного экстракта и некоторого количества жира, заменили отчасти мясные консервы, невзирая на то, что в них отсутствует животный белок и содержится мало жиру. Отсутствие мяса воловьего, баранины, свинины в каком бы то ни было виде побудило заменять его яичным порошком; а уже в начале 1916 года мясо стало заменяться бобами, горохом и чечевицей, из расчета 20 — 22 золотника семян взамен ½ фун. мяса. Мясные сухари, быстропортящиеся кровяная колбаса, гороховая колбаса с салом (50%, — 55% гороху, 10 — 15% сала и 35 — 40% воды), копченая рыба, мороженое мясо, наконец соленая сельдь и сушеная вобла — постепенно вытесняли из обихода исчезающее мясо.

Введение 2 постных дней в неделю во время поста и узаконение невыдачи мяса ставили перед военным ведомством вопрос о достаточном снабжении другими эквивалентными продуктами. Отсутствие свежих овощей заставило еще в 1915 г. заменить их квашеной капустой, а недостаток приправ — уксуса, лимонной кислоты, клюквенного экстракта — вызвал усиленное применение томат-пюре, причем вкусовые вещества — порей, сольдерей, укроп совершенно исчезли из применявшихся овощей, благодаря чему создалась значительная пресность и однообразие пищи. Больше того, консервы, приготовлявшиеся до сего времени с различными овощами, начали применяться с мерзлым луком, излюбленный русский напиток — чай стал заменяться фруктовым чаем. К сгущенному молоку начал добавляться тростниковый сахар до 30%, взамен помидоров, лимонной кислоты и клюквенного экстракта в обиход питания выступил экстракт из диких слив. Таким образом, в середине 1915 года армия начала потреблять все и вся, повиди-

мому, с полным нарушением установленного законодательства по питанию, стремясь захватить в свои руки все то, что имеется на рынке и имеет какое-либо минимальное вкусовое или питательное значение.

Допущение для питания армии овсяной крупы, толокна, замена в некоторых пунктах овощных консервов плодовыми и ягодными, введение грибов и всяческих «сушеных мясных продуктов с овощами» и разрешение замены пшеничных галет сушками к концу 1916 года характеризуют состояние снабжения углеводистыми продуктами.

Потребление жиров в армии, по нормам недостаточное, в течение войны также подвергнулось резким изменениям.

Уже в марте 1915 года Главное интендантство предложило сократить выдачу жиров на солдата с 12 зол. до 8 зол., но так как весеннее время, в течение которого потребность в жирах велика, являлось неудобным и были высказаны опасения о возможности развития цынги и куриной слепоты как последствий жирового голодания, — эта мера была временно отвергнута. Отсутствие коровьего масла и побудило допустить употребление кокосового масла, а также внутреннего бараньего сала. К концу 1915 года коровье масло было совершенно заменено растительными маслами и говяжьим и бараньим салом. Тогда же был узаконен к употреблению маргарин, и в начале 1916 г. начались пробные опыты по изготовлению искусственного масла.

К характеристике все ухудшавшегося качественно и количественно питания можно добавить, что даже молоко от туберкулезных коров, правда, в стерилизованном виде, было допущено к употреблению.

По данным Крыженовского, в 1916/17 г. тыловой паек фактически заключал в себе 2 583 кал. с 90 *г* белков, фронтовой — 3 038 кал. с 98 *г* белков. И если количественно эта норма была далека от теоретических норм и предполагаемых в начале войны к выдаче, а качественно она изобиловала многочисленными недостатками, то нет ничего удивительного, что русский паек по сравнению с пайками армий других воюющих стран был значительно ниже и занимал последнее место.

Данные периода мировой войны рисуют следующие фактические нормы питания в иностранных армиях:

| | | |
|---|---|---|
| Американские солдаты | в тылу . . . . . . | 3 658 кал. |
| | на фронте . . . . | 3 658 » |
| Английские » | в тылу . . . . . . | 3 326 » |
| | на фронте . . . . | 4 400 » |
| Бельгийские » | в тылу . . . . . . | 3 250 » |
| | на фронте . . . . | 3 800 » |

| | | | |
|---|---|---|---|
| Французские солдаты | в тылу . . . . . . | 2 926 | » |
| | на фронте . . . . | 3 896 | » |
| Итальянские » | в тылу . . . . . . | 2 795 | » |
| | на фронте . . . . | 3 606 | » |
| Сербские » | в воен. время . . | 3 989 | » |

Питание на фронте, особенно на передовых позициях, где оно могло совершаться в зависимости от местных стратегических условий, было иногда месяцами нерегулярно. Однообразие пищи, отсутствие горячих блюд, еда в сухомятку — «грызня галет и сухарей» — таковы нередкие отзывы о питании на передовых позициях.

Отсутствие приправ и вкусовых веществ, массовое заготовление пищи накладывали на нее своеобразный отпечаток, о котором мы говорили при рассмотрении массового питания. И если организация питания на фронтах выдвинула необходимость наличия походных кухонь, а также полевых хлебопекарен для снабжения передовых частей свежеиспеченным хлебом, то, как указано выше, не всегда и не везде можно было осуществить своевременный подвоз горячей пищи, а санитарное состояние хлебопекарен всегда было далеко от того санитарного минимума, который бы обеспечивал полную доброкачественность основного, в конечном итоге, продукта питания — хлеба.

Все это (замена свежих продуктов консервированными) лишало пищу одного из наисущественнейших свойств питания — наличия так-называемых факторов питания — витаминов, отсутствие которых в пище связано с развитием ряда заболеваний, особенно цынги. Все это вместе с нерегулярностью приема пищи на фронтах должно было расшатывающим образом действовать на здоровье армии и не могло не сказаться на ее боеспособности.

Питание в госпиталях и лазаретах военного и прочих ведомств во время войны было построено различно для «нижних чинов» и и командного состава и, будучи количественно достаточно, в качественном отношении носило на себе отпечаток общих порядков.

Конечно, русская армия в течение первых 2 лет войны была все-таки далека от голодания, с точки зрения физиологических норм оно было более или менее достаточно. Гражданское население было поставлено в значительно более тяжелые условия, ибо городское население, предоставленное свободному выбору продуктов, консервов и суррогатов питания, выходивших под названием полноценных продуктов, само находилось под меньшим санитарным контролем, чем армия, точно так же, как и пищевой контроль, существовавший в армии в довольно организованных формах, в городах почти отсутствовал.

Но нельзя согласиться с оценкой питания русской армии, дававшейся рядом ученых и исследователей, квалифицировавших его «превосходным».[1] Уже с начала 1915 года, несмотря на огромные интендантские запасы и начавшуюся заготовку земскими и городскими организациями продуктов питания, можно было предугадывать необходимость обращения всего продуктового фонда страны для нужд армии, вне зависимости от питательных свойств продуктов и качеств изготовляемых фабрикатов.

Нельзя обойти молчанием питания почти 3-миллионной армии беженцев и выселенцев, разбросанных по ряду губерний России. Вереницы беженцев с начала их появления попадали в руки различных пекущихся о них организациях, снабжавших их всем необходимым. Конечно питание их не доходило до физиологических норм. Оно не превышало 1 600 — 1 000 калорий в сутки.[2]

Питательные пункты Союза городов установили четыре основных блюда, которые и варьировались. К комбинации одного из супов и каши добавлялось на человека по $1^1/_4$ фун. хлеба, $^1/_{10}$ фун. сахара, $^1/_{160}$ фун. плиточного чая. Такое питание давало 92 — 122 г белка или 1 288 — 2 217 калорий.

Нужно сказать, что означенные питательные пункты имели по преимуществу в виду военное население и организованные специально для гражданского населения уменьшали норму своих выдач. И мученический поход беженцев и выселенцев в глубь страны усыпался грудами больных и трупов.

К сожалению, мы не располагаем данными о питании военнопленных в России. Но судя по тому, что паек их был значительно ниже армейского пайка и все ухудшался в зависимости от общих условий и состояния продовольственного вопроса в стране, следует допустить, что положение их было тяжелым.

---

[1] К. В. Караффа-Корбутт. Эпидемии военного времени и борьба с ними в условиях текущей кампании. «Врачебная газета» № 42, 1915.

[2] Б. И. Словцов. Новые направления в области питания, «Известия коммун северной области» № 1 1918.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

# АЛКОГОЛИЗМ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.

Рамки настоящего очерка были бы чересчур расширены детальным разбором всех последствий алкоголизма, этого социально-экономического зла и одновременно социальной болезни. Здесь приходится коснуться этих вопросов постольку, поскольку правительственным актом царской России, с об'явлением войны была прекращена продажа казенных питей и в дальнейшем земским и городским самоуправлениям было предоставлено право прекращения продажи вина и пива, широко использованное последними в течение первых месяцев войны. Какую роль сыграло принудительное отрезвление России в состоянии питания и народного здоровья в годы мировой войны, — таковы вопросы, непосредственно нас интересующие.

Прямого ответа на поставленные вопросы по имеющимся материалам дать не представляется никакой возможности. Вопросы о потреблении вина (о размере его, характере в зависимости от тех или иных условий и пр.) остались мало разработанными, так как еще не было установлено надлежащих приемов исследования. «Мы прибегали к громоздким специальным анкетам, которые пригодны для изучения ярких явлений жизни, как напр. последствий запрещения питейной торговли, резко бросающихся в глаза рядовым наблюдателям, а не для исследований сложных вопросов и фактов алкоголизма, старались использовать земские бюджетные данные, приходо-расходные записи отдельных крестьян и пр., и в результате получали чрезвычайно пестрый материал, основанный на неглубоких наблюдениях, личных впечатлениях, отзывах, недостаточно об'ективных, отрывочных записях потребителей и пр. Поэтому неудивительно, что статистические подсчеты анкетных сообщений нередко могли приводить к прямо противоположным заключениям» [1] То же, может быть, с неменьшим основанием должно быть отнесено к городскому населению, в частности к рабочему населению, относительно отрезвления которого сохранились весьма отрывочные, хотя не лишенные некоторой ценности материалы.

[1] Д. Н. Воронов. Жизнь деревни в дни трезвости, 1916.

Сложность факторов, обусловливающих алкоголизм, и вытекающих из него последствий во время войны еще более спутали истинную картину, при внезапном изменении постоянно действовавших причин и зависимостей в стране.

Алкоголизация населения до войны из года в год повышалась.

Среднее потребление алкоголя во всем монопольном районе было:

| | | | | | |
|---|---|---|---|---|---|
| В 1909 г. | 0,58 | ведра | 40° | крепости | на душу |
| » 1910 » | 0,60 | » | 40° | » » | » |
| » 1911 » | 0,60 | » | 40° | » » | » |
| » 1912 » | 0,62 | » | 40° | » » | » |
| » 1913 » | 0,63 | » | 40° | » » | » |

Каково было распространение алкоголя, можно видеть из того, напр., что в 1913 г. в Полтавской губернии было продано водки на 17 285 600 руб., тогда как всех обязательных платежей и налогов причиталось 9 361 429 руб.[1]

Несмотря на то обстоятельство, что Россия по душевому потреблению алкоголя в числе прочих европейских стран стояла на одном из последних мест, степень алкоголизации ее была чрезвычайно высока.

Если не считать отдаленных последствий алкоголизма, как-то: душевных заболеваний, наследственного вырождения, моральной дефективности и пр., то цифру непосредственного влияния алкоголя в виде случаев «отравления алкоголем», зарегистрированных в России в 1913 г. (161 164 случая) и в 1914 г. (97 772) нельзя уже не считать значительной (можно думать, что эти числа далеко ниже действительных).

Существовавшие в крупных городах лечебницы для алкоголиков пропускали вереницы больных, желавших подвергнуться лечению, полицейские участки и приюты для вытрезвляющихся были переполнены, столичные больницы наполнялись тысячами жертв алкоголя. Следует заметить, что случаи алкоголизма, при которых требуется оказание лечебной помощи — это уже крайние формы отравления алкоголем. Огромное количество населения, потребляющее алкоголь «умеренно», отравляя и губя свой организм, остается за пределами учета.

Борьба с алкоголизмом, которую вели «попечительства о народной трезвости», «верные детища режима бесправия», не могла принести освобождения от злейшего врага, который, с одной стороны, поддерживал «пьяный» бюджет России, с другой — разрушал

[1] «Как повлияло прекращение продажи водки на жизнь населения Полтавской губернии», изд. Статистического бюро Полтавского губернского земства.

главнейшую основу существования всякого государства — население.

Грянула война. В первый же день мобилизации — 14 июля — последовало распоряжение о запрещении продажи алкогольных напитков. Запрещение продажи спиртных напитков, по единодушному признанию всех исследователей, в начале войны оказало, по крайней мере временно, положительное влияние.

Посмотрим, какую картину являла русская деревня в результате «принудительной трезвости».

«При учете социально-гигиенических последствий запрета по данным земских анкет, необходимо иметь в виду, что все губернии, где производились обследования, находились в крайне неблагоприятных экономических условиях в течение сельскохозяйственного периода 1914 — 1915 гг., с которым совпало прекращение питейной торговли». [1]

Казанское губернское земство в опубликованном в 1916 г. исследовании отмечает на основании 2 107 ответов из сельских местностей, что поступление чая в Казанскую губернию за год трезвости возросло по сравнению с предшествовавшими годами: кирпичного на 30%, байхового на 4%, а плиточного на 150%.

Рафинаду прошло через Казанский рынок, обслуживающий помимо Казанской губернии также некоторые другие местности, вместо 1 млн, пудов — 2 млн. пудов, а сахарного песка вместо 300 000 пуд. — 900 000 пуд.

Потребление коренным, местным населением сахарного песка возросло на 100%, рафинада — на 60 — 70%. Выделка сластей возросла за год трезвости с 260 тыс. пуд. до 550 — 570 тыс. пуд., из которых 85 — 90% потреблялось населением самой Казанской губернии. Нижегородская [2] и Костромская [3] анкеты отмечают — первая на основании 891 ответа, вторая — 501, — что в 95% в первой и 93,8% во второй благосостояние сельского населения улучшилось; заметно повышение питания, и, несмотря на недород, в Костромской губернии «с пьянством у крестьян хватало своего хлеба до масленицы, а теперь хватит до нови». Более подробных указаний в названных анкетах не приводится.

Огромное большинство корреспондентов, отвечающих на харь-

---

[1] «Год трезвости в Казанской губернии», цит. по М. Н. Гернету. Моральная статистика, 1922.

[2] Доклад губернской земской управы очередному земскому собранию (материалы за осень 1914, весну 1915).

[3] «Война и костромская деревня», статья А. В. Захарова, в сб. «Трезвость в деревне», 1915.

ковскую анкету[1] отмечает, что с прекращением продажи водки появились у крестьянства лишние деньги, идущие на улучшение пищи «вообще», «на чай», «на сахар» и «на мясо», на улучшение одежды и инвентаря живого и мертвого.

Данные московского земства[2] показывают, что во всех районах исследования из 100 ответов о замене водки другими продуктами — нехмельными напитками заменено от 49 — 64%, закусками — от 24 — 34% и сластями от 10 — 18%. На ряду с этими свидетельствуется, что питание возросло в 45% случаев за счет предшествовавшего употребления алкоголя. Точно так же «благодетельное» влияние прекращения продажи спирта испытывала на себе Пензенская губерния,[3] где в 80% ответов (1 693 алкоголика) констатируются уже отмеченные другими анкетами последствия. И если питание сельского населения во время мировой войны количественно не только не изменилось к худшему, но улучшилось, судя по описанным данным, в первый год войны, то значительную роль в этом направлении сыграло отсутствие водки и широкого потребления спиртных напитков. И если процесс вздорожания всех предметов первой необходимости в силу разрушительного действия войны поднимался все выше и выше, то улучшение благосостояния населения благодаря отсутствию алкоголя несколько смягчало и отодвигало от деревни назревающую экономическую катастрофу. Не могли не сыграть роли на селе в уменьшении потребления спиртных напитков и отвлечение от него огромного числа мужского населения, призванного в армию — как раз являвшегося главным потребителем напитков.

Можно допустить, что эффект запрещения продажи спиртных напитков несколько преувеличен данными, приводимыми в земских анкетах, так как уже с самого начала запрещения водки население не замедлило обратиться к суррогатам, значительно более вредоносным, чем сама водка.

Небезынтересны данные Приморского переселенческого района,[4] в котором не было казенной продажи вина, поэтому виноторговля там была частным промыслом; кроме того благодаря бли-

---

[1] «Что думает население Харьковской губернии о прекращении продажи водки», изд. Харьковского губернского земского управления, 1925.

[2] «Деревня и запрещение продажи питей в Московском уезде», Статистический отдел Московской уездной земской управы, 1915.

[3] Ф. Я. Термитин. Голос народа. Результаты анкеты об отношении населения к прекращению продажи крепких напитков, изд. Пензенского губернского земства, 1915.

[4] «Запрещение продажи водки в Приморском районе», Владивосток, изд. Статистического отдела Приморского переселенческого района, 1915.

зости китайской границы район снабжался контрабандным, более дешевым, спиртом. Вследствие этих благоприятных условий для распространения алкоголя в Приморской области, это потребление достигало ужасающих размеров. И даже здесь проведенная в 1915 г. анкета указывает на уменьшение потребления алкоголя и понижение контрабанды. В отношении увеличения благосостояния населения и улучшения питания доставлено 59% ответов из тех местностей, которые до того времени пользовались исключительно контрабандным спиртом.

Таково в самых общих чертах влияние запретительного закона на деревенское крестьянское население вообще, безотносительно к социальным группам. Теперь перейдем к рассмотрению влияния запретительного закона на потребление алкоголя городским населением и главным образом на фабрично-заводскую часть его.

Так, по данным екатеринославской анкеты, материальное положение улучшилось среди фабрично-заводского населения и выразилось в появлении денег у 21% отвечавших и в улучшении питания и одежды у 78,8%. По свидетельству екатеринославской анкеты, моральные и экономические последствия запрета выразились ярче во всем промышленном районе сравнительно с земледельческим. В то время как нарушения трезвости в земледельческой группе наблюдались в 23,7% показаний, для промышленной они были более чем в $2^1/_2$ раз выше — 62,3%.

Кроме того, по роду напитков в промышленной группе преобладали сильно действующие суррогаты водки — денатурированный спирт, лак, политура, киндербальзам, одеколон и т. п., потребление которых нередко влекло за собою случаи отравления.

В материалах анкеты «Общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района»,[1] собранных и разработанных на основании заводской отчетности, личных счетов рабочих и пр. в 172 предприятиях с общим числом рабочих 214 655 чел. т. е. около $^1/_4$ всех рабочих Московского района, приводятся данные о влиянии запрета на фабрично-заводских рабочих. Анкета обнимает 3-месячный срок запрета — с августа по октябрь 1914 г. (т. е. первые 3 мес., причем данные сравнивались с соответствующими данными 1913 г.).

Условным мерилом влияния запрещения продажи спиртных напитков анкета приняла прогулы рабочих, понимая под ними «неявки на работу по нетрезвости, болезни, семейным обстоятельствам и другим случаям, исключая стачек, мобилизаций и временной

[1] «Отрезвление рабочих». Статистическое обследование влияния прекращения спиртных напитков на производительность труда рабочих, под ред. Ф. И. Кубацкого, 1914.

приостановки работы предприятий». За первые 3 месяца прогулы в массе сократились на 27%. Более отчетливое влияние введения трезвости обнаруживается при рассмотрении прогулов по полу: у женщин сокращение прогулов выразилось в 8%, у мужчин — 46,8%. Следует отметить, что наряду с уменьшением общего числа прогулов сильно возросли прогулы по болезни, которые в 1913 году составляли 50% всех прогулов, а в 1914 г. увеличились на 20%. Увеличение числа прогулов приписывается улучшению регистрации случаев временной утраты трудоспособности, благодаря увеличению об'ема деятельности страховых касс и кроме того крупному изменению состава рабочих, происшедшему после первых мобилизаций и замены вполне работоспособных рабочих стариками, детьми и женщинами. Наряду с этим, отмечается значительное уменьшение прогулов в дни после получек и послепраздничные дни.

Несмотря на ухудшение снабжения фабрик и заводов сырьем и топливом, в первые же дни войны, и неизмененный «нормальный» рабочий день, производительность труда поднялась на 9,2%, а в металлообрабатывающей промышленности, где прогулы были особенно велики, на 12,7%.

Городское население, для которого алкоголизм несет в себе более глубокие социально-экономические предпосылки, реагировало на запрет достаточно рельефно. В Казани «Исследование показало, что за год трезвости значительно улучшилось экономическое положение населения и пала его преступность. Так, возросло потребление крупчатки, чая, сахара, сластей, мануфактуры. Ранее крупчатка покупалась городскими рабочими лишь перед большими праздниками, а после запрещения продажи вина городские булочные стали делать небывалые по размерам высокие обороты. Вместо прежних 3 — 3¼ миллионов пудов крупчатки через казанский рынок прошло 4½ миллиона пудов». [1]

В Петрограде, несмотря на колебания в запрещении продажи легких вин и пива (окончательное запрещение последовало 16 декабря 1914 г.), отмечено падение случаев острого опьянения. [2] В алкогольное отделение Обуховской больницы за второе полугодие 1914 г. поступило 2 167 чел. против 3 780 чел. в первое, т. е. на 43% меньше. Куда-то исчезли и хронические алкоголики, пропали также алкоголики и запойные, причем «в семи амбулаториях Петроградского городского попечительства о народной трезвости число

[1] М. И. Гернет. Моральная статистика, изд. ЦСУ, М., 1922.

[2] Д-р мед. А. Л. Мендельсон. Итоги принудительной трезвости и новые формы пьянства, изд. Росс. общества борьбы с алкоголизмом, 1916. Из данной книги почерпнуты все цифры по Петрограду.

новых больных в 1913 г. было 1 699, в 1914 г. — 983, причем на первое полугодие 1914 года пришлось 966 чел., а на второе полугодие лишь 67 чел. В Москве наблюдалась аналогичная картина падения обращаемости в противоалкогольные амбулатории, в которых в течение 5 месяцев 1913 года прошло 1 326 чел. против 20 новых больных за 5 последних месяцев 1914 г.».[1] По сообщениям медицинского факультета Саратовского университета и Женского медицинского института в Петрограде начал ощущаться голод в трупах.

Движение больных, поступающих в психиатрические больницы с алкогольными психозами как непосредственным воздействием пьянства, рисуется по годам в России в следующем виде:[2]

| Годы | Количество поступивших | В процентах к поступлению всех психических больных |
|---|---|---|
| 1912 | 9 130 | 19,0 |
| 1913 | 10 210 | 20,2 |
| 1914 | 6 357 | 12,9 |
| 1915 | 911 | 2,1 |

Сократилось число самоубийств и преступлений.

Но пышным цветом начали расцветать новые формы пьянства, особенно в городах. Во втором полугодии 1914 года выпущено на рынок денатурата в Петрограде на 4 млн. ведер меньше, чем в 1913 году, но за первые месяцы 1915 года уже выпущено 170 221 ведра, 1914 г. — 112 524 и 1913 — 103 442.

К этому увеличенному выпуску денатурата, если он и не целиком пошел в желудки населения Петрограда, можно прибавить «очищенную политуру», «чистый одеколон» и др. суррогаты, молниеносно распространившиеся как в столицах, так и других городах.

Принимая во внимание, что денатурат, политура и лаки являются разведенным древесным спиртом, гораздо более ядовитым, чем винный спирт, в исследованиях, относящихся к описываемому периоду, отмечается увеличение случаев алкогольных отравлений в столичных больницах с значительным числом смертельных исходов, а также ослепления.

Даже из приведенных отрывочных данных видно, что запретительный закон без предварительной культурно-бытовой подготовки населения, без глубоких социальных преобразований, хотя вре-

[1] Д-р И. Н. Введенский. Опыт принудительной трезвости, изд. Моск. столичного попечительства о народной трезвости, 1915.

[2] Д. Н. Воронов. Анализ деревенского алкоголизма и самогонного промысла. «Вопросы наркологии», вып. I, изд. Мосздравотдела, 1926.

менно и принес известную пользу стране, в самом начале обеспечив удовлетворительное выполнение всеобщей мобилизации, тем не менее не мог излечить население от этой социальной болезни. Продолжающаяся война, как видно из ранее изложенного, значительно изменила состав питания и вместе с тем понизила общий уровень физического состояния рабочего населения, испытавшего на себе все последствия разрушения народного хозяйства, которых не могли приостановить никакие запретительные законы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

# САНИТАРНОЕ СОСТОЯНИЕ НАСЕЛЕНИЯ В 1914—1918 гг. И ВОЕННЫЕ ПОТЕРИ РОССИИ.

Переходя к оценке тех изменений, которые наблюдались в санитарном состоянии населения в результате мировой войны, заранее можно сказать, что выделение отдельных неблагоприятных факторов, связанных с войной, в сопоставлении с изменениями социально-гигиенического порядка, представляется при существующих данных задачей непосильной. В какой мере только недостаток питания или только жилищные условия и т. д. могли сказаться на состоянии здоровья населения определить нельзя, так как эти явления обусловливаются многочисленными факторами социально-биологического свойства.

Выше указано, что принимаемая пища тратится преимущественно на поддержание жизнедеятельности организма и на покрытие тех трат, которые связаны с его работой. Естественно, что уменьшение пищевого рациона должно повести к одновременному уменьшению количества могущей быть выполненной работы. Физиология труда учит, что с понижением пищевого рациона, напр., на 15,5%, производительность труда падает на 31%, при понижении на 25% производительность падает на 62,5%. Поэтому всякая экономия на питании влечет за собой гораздо более сильную «экономию» в производительности труда.

Изменения питания и заработной платы и связанная с этим производительность труда отчетливо видны из первой таблицы на стр. 54 (по С. Г. Струмилину): [1]

Конечно, не только недостаток питания играл роль при понижении производительности труда, здесь имели место и другие существенные причины — изменение возрастного состава рабочих, увеличение в рабочей среде числа женщин и детей, введение ночных смен и т. п., но едва ли не самая главная принадлежит все-таки питанию.

Что выдвинутое положение не лишено некоторых оснований,

---

[1] Цит. по К. Х. Кекчееву. Физиология труда, Гиз. М., 1926.

| Годы | Месячный бюджет рабочего | | Суточный пищевой рацион | | Производительность труда | |
|---|---|---|---|---|---|---|
| | в довоен. рублях | в % | в калориях | в % | в *кг/м* | в % |
| 1913/14 . . . . . . . . . . . . | 22,00 | 100 | 4 000 | 100 | 136 000 | 100 |
| 1914/15 . . . . . . . . . . . . | 21,00 | 96 | 3 800 | 95 | 119 600 | 88 |
| 1915/16 . . . . . . . . . . . . | 20,40 | 93 | 3 680 | 92 | 109 300 | 80 |
| 1916/17 . . . . . . . . . . . . | 19,0 | 86 | 3 520 | 88 | 95 500 | 70 |
| 1917/18 . . . . . . . . . . . . | 14,14 | 64 | 3 100 | 78 | 59 700 | 44 |
| 1918/19 . . . . . . . . . . . . | 9,48 | 43 | 2 680 | 67 | 23 950 | 17,5 |

подтверждают цифры изменения числа рабочих по полу и возрасту от 1913 до 1918 гг. [1]

| Годы | Число сопоставлен. заведений | Среднее суточное число рабочих | | | | | Всего обоего пола |
|---|---|---|---|---|---|---|---|
| | | | | Обоего пола | | | |
| | | мужчин | женщин | малолетних | подростков | взрослых | |
| 1913 . . . . | 3 043 | 594 564 | 374 953 | 14 671 | 78 686 | 876 160 | 969 517 |
| 1914 . . . . | 3 043 | 601 708 | 393 033 | 14 955 | 83 416 | 896 370 | 994 741 |
| 1915 . . . . | 3 043 | 609 827 | 432 147 | 16 486 | 93 816 | 931 672 | 1 041 974 |
| 1916 . . . . | 3 043 | 621 648 | 482 284 | 20 883 | 101 031 | 982 018 | 1 103 932 |
| 1917 . . . . | 3 043 | 653 234 | 500 335 | 21 520 | 97 590 | 1 034 459 | 1 153 569 |

Правда, в отношении общего числа работающих в каждой группе возросло значительно: число малолетних с 1913 по 1917 г. — на 31,9%, подростков — на 22,8%, женщин — на 25,9%, но общее число малолетних и подростков в отношении всех рабочих осталось почти неизменным и не нарушило заметно структуры возрастного состава рабочего населения. Несколько к худшему, с точки зрения производительности труда, изменился состав рабочих в смысле увеличения числа женщин: в 1913 г. на 100 мужчин приходилось 63 женщины, в 1917 г. — 76.

И если во время самой войны явственно вырисовывались изменения в питании и связанной с ним производительности труда, то каковы были изменения биологических элементов населения, определяющие санитарную культуру страны? Как известно, степень санитарного благополучия населения определяется преимуще-

[1] Статистический справочник по народному хозяйству. Вып. III. Под ред. С. А. Клепикова, 1-е изд., 1923.

ственно показателями естественного движения населения (брачность, рождаемость и смертность) и его заболеваемостью.

Понижение брачности в России под влиянием мировой войны по своим размерам значительно превосходит степень понижения, наблюдавшуюся при прежних войнах.

Число браков понизилось на:

| | |
|---|---|
| Мировая война | 58% |
| Отечественная война | 22% |
| Крымская война | 26% |
| Турецкая война 1877 г. | 21% |
| Японская война | 13% |

По сравнению с другими воевавшими странами падение брачности в России было больше, чем в Англии, Германии, Бельгии, но меньше, чем во Франции и Венгрии, и почти одинаковым с падением брачности в Италии. С. А. Новосельский[1] определяет дефицит браков в Европейской России в 1 339 000 за годы войны.

Число родившихся в течение военных лет из года в год падало. Если принять цифру родившихся в 1913 году за 100, то в 1914 г. оно составит — 102, 1915 — 83; 1916 — 69; 1917 — 54. Падение рождаемости обнаружилось по понятным причинам с 1915 года и к 1917 году достигает 46% понижения к последнему довоенному году (1913). «Недород» за годы войны, по С. А. Новосельскому, определяется для Европейской России, приблизительно, в следующих цифрах:

| | |
|---|---|
| В 1915 г. | 683 000 |
| » 1916 » | 1 786 000 |
| » 1917 » | 2 416 000 |
| Итого | 4 885 000 |

Дефицит родившихся только в Европейской России и только за 3 года доходит почти до 5 миллионов.

Массовые уходы производительных возрастов на фронты, понижение экономического уровня населения, необеспеченность и неуверенность в завтрашнем дне вызвали понижение брачности и рождаемости.

Заметных изменений в смертности населения в первые годы войны не отмечалось. Среди сельского населения, в среднем для всех губерний, из которых имелись сведения, число умерших за годы войны даже понизилось. Так, по Московской губ. в 1913 г. смертность была на 1 000 чел. 31,5, в 1916 г. — 25,1. В городах, судя по данным Петрограда и Москвы (в первом смертность в 1913 г.

[1] С. С. Новосельский. Влияние войны на естественное движение населения. Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914—1920 гг., под ред. Гран, П. И. Куркина и П. А. Кувшинникова.

была на 21,6, в 1917 — 24, во второй 1913 г. — 23,1, 1917 — 23,7), смертность несколько повысилась.

Картина детской смертности указывает на уменьшение таковой и в сельских местностях и почти полную неизменность в городах. На 1 000 родившихся умерло в возрасте до 1 года:

| | Москва | Петроград | Московская губ. |
|---|---|---|---|
| 1913 | 26,3 | 23,1 | 27,6 |
| 1914 | 23,8 | 25,0 | 25,4 |
| 1915 | 24,8 | 24,8 | 24,8 |
| 1916 | 24,1 | 27,0 | 21,2 |
| 1917 | 26,8 | 23,6 | — |

Аналогичное явление отмечается и для некоторых других губерний.

Таким образом, годы мировой войны не отразились резко на повышении смертности гражданского населения, что об'ясняется главным образом низкой рождаемостью, малым количеством грудных детей и малой детской смертностью. Как известно, повышение смертности идет главным образом за счет детской смертности, которая в довоенные годы, благодаря некультурности и бедности русского крестьянства, была особенно высока в сельской России.

Повышение общей смертности в городах, несмотря на уменьшение детской смертности в годы войны, следует отнести на счет ухудшения общегигиенических условий — скученности населения и пр. Это подтверждается при рассмотрении смертности населения от туберкулеза, чувствительного барометра общественного здоровья. Так, неизменно понижавшаяся до 1913 года смертность от туберкулеза во время войны начинает повышаться. На 10 000 жителей в Петрограде умерло от туберкулеза (без воинских чинов):

| | |
|---|---|
| 1909—1913 | 34,5 |
| 1914 | 33,5 |
| 1915 | 36,6 |
| 1916 | 39,5 |
| 1917 | 36,8 |

Благодаря «недороду», естественный прирост населения жестоко пострадал. Вместо 5,7 млн., которых можно было ожидать, судя по приросту 1913 г., он выразился приблизительно в 1,5 млн.

Война не могла не изменить всей структуры населения, вырвав из рядов его около 15 млн. людей[1] наиболее продуктивных возрастов, из которых около 80% приходится на сельское население. И если уже изменения, последовавшие в гражданском населении, дают определенный урон численности и стойкости народного орга-

[1] Указанной цифрой определяет число призванных С. А. Новосельский. Горбунов определяет ее в 18 млн., В. Бншток — 13,5 млн. (к концу 1916 г.).

низма, то наибольшую уязвимость страна испытывала в контингентах призванных в армию, подвергавшихся, начиная с первого выстрела, смертноносному влиянию военных усовершенствований для истребления человеческих жизней.

«Общие потери русской армии за время империалистической войны 1914 — 1918 гг., по официальным данным, поступившим за время войны, недостаточно еще проверенным, требующим дальнейшей их разработки, определяются в 7 326 000, а за округлением в 7 500 000 человек;[1] на основании же исследования д-ра В. Г. Аврамова, дополненного официальными, достаточно проверенными данными о пленных, число общих потерь определяется за округлением в 8 500 000 чел.», каковая цифра, по общему признанию, считается более всего приближающейся к действительности. Распределение потерь с 1/VIII 1914 г. по 1/XII 1916 г. по всем фронтам, за исключением Кавказского, по отдельным родам оружия выражается в следующих цифрах:[2]

ПОТЕРИ (В АБСОЛЮТНЫХ ЦИФРАХ).

| Род войск | | Убито | Ранено и контужено | Из них | | | Пропало без вести | От ядовитых газов | | | |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| | | | | умерло при частях | осталось при частях | отправлено в лечебные заведения | | пострадало | умерло при частях | осталось при частях | отправлено в лечебн. завед. |
| Пехота | офицеров | 9 789 | 53 421 | 564 | 9 937 | 42 920 | 10 565 | 666 | 61 | 310 | 295 |
| | солдат | 575 181 | 3 100 362 | 14 410 | 237 569 | 2 848 383 | 2 117 743 | 46 185 | 6 126 | 9 459 | 30 600 |
| Кавалерия | офицеров | 557 | 3 822 | 30 | 1 444 | 2 348 | 253 | 21 | — | 11 | 10 |
| | солдат | 10 255 | 51 947 | 483 | 10 965 | 40 499 | 10 098 | 537 | 1 | 109 | 427 |
| Артиллерия | офицеров | 299 | 3 318 | 22 | 1 642 | 1 654 | 934 | 76 | 2 | 54 | 20 |
| | солдат | 4 839 | 35 295 | 196 | 11 732 | 23 367 | 40 083 | 1 380 | 12 | 575 | 793 |
| Инженерные | офицеров | 44 | 397 | 4 | 162 | 231 | 77 | 19 | 1 | 16 | 2 |
| | солдат | 1 378 | 9 851 | 45 | 3 455 | 6 351 | 4 717 | 958 | 12 | 305 | 641 |
| Пограничные | офицеров | 261 | 1 504 | 26 | 311 | 1 167 | 70 | 4 | — | 4 | — |
| | солдат | 11 981 | 86 807 | 531 | 4 204 | 82 072 | 19 624 | 22 | 10 | 10 | 2 |
| Прочие части | офицеров | — | — | — | — | — | — | — | — | — | — |
| | солдат | 495 | 3 025 | 29 | 777 | 2 219 | 6 970 | 179 | — | 16 | 163 |
| Итого | офицеров | 11 003 | 62 675 | 647 | 13 600 | 48 428 | 12 056 | 808 | 64 | 396 | 348 |
| | солдат | 604 079 | 3 787 287 | 15 694 | 268 702 | 3 002 891 | 2 199 185 | 49 261 | 6 161 | 10 474 | 32 626 |

[1] Л. И. Сазонов. Потери России в войну 1914 — 1918 гг. «Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914 — 1918 гг.».

[2] Вл. Аврамов. Жертвы империалистической войны, «Изв. НКЗ» № 1 — 2, 1920. Приводимые абсолютные цифры, по мнению автора, процентов на 10 ниже действительных.

ПОТЕРИ (НА 1 000 ЧЕЛОВЕК НАЛИЧНОГО СОСТАВА ЧАСТЕЙ ВОЙСК, УЧАСТВОВАВШИХ В БОЯХ).

| Род войск | | Убито | Ранено и контужено | Из них | | | Пропало без вести | Пострадавшие от ядовитых газов | Из них | | |
|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|---|
| | | | | умерло при части | осталось при части | отправлено в лечебные учреждения | | | умерло при части | осталось при части | отправлено в лечебн. завед. |
| Пехота | офицеров | 102,2 | 558,0 | 5,89 | 103,8 | 448,3 | 110,3 | 6,94 | 0,64 | 3,2 | 3,1 |
| | солдат | 67,4 | 363,3 | 1,[illegible]9 | 27,8 | 333,8 | 248,2 | 5,42 | 0,72 | 1,1 | 3,6 |
| Кавалерия | офицеров | 61,9 | 409,8 | 3,22 | 154,8 | 251,7 | 27,1 | 2,3 | — | 1,2 | 1,1 |
| | солдат | 35,8 | 181,4 | 1,60 | 38,3 | 141,5 | 35,1 | 1.91 | 0,01 | 0,38 | 1,52 |
| Артиллерия | офицеров | 23,2 | 257,6 | 1,71 | 127,5 | 128,4 | 72,5 | 5,86 | 0,15 | 4,2 | 1,5 |
| | солдат | 9,7 | 70,8 | 0,39 | 23,5 | 46,9 | 80,4 | 2.72 | 0,02 | 1,2 | 1,5 |
| Инженерн. войска | офицеров | 11,2 | 104,4 | 1,02 | 41,4 | 59,0 | 19,7 | 4,86 | 0,26 | 4.1 | 0,5 |
| | солдат | 7,0 | 50,4 | 0,23 | 17,5 | 32,3 | 24,0 | 4,86 | 0,06 | 1,5 | 3,3 |
| Пограничн. стража | офицеров | 93,7 | 539,8 | 9,33 | 111,6 | 418,9 | 25,1 | 1,4 | — | 1,4 | — |
| | солдат | 63,3 | 458,8 | 2.81 | 22,2 | 433,8 | 103,7 | 0,11 | 0,05 | 0,05 | 0,01 |
| Прочие части | офицеров | 5,2 | 25,8 | 0,12 | 12,6 | 13,1 | 19,0 | 2.7 | — | 0,12 | 2,58 |
| | солдат | 1,1 | 6,7 | 0.06 | 1,7 | 4,9 | 15,4 | 0,4 | — | 0,04 | 0,36 |
| Итого | офицеров | 82,9 | 471,5 | 4,9 | 102,3 | 369,4 | 90,7 | 6,08 | 0,48 | 3,0 | 2,6 |
| | солдат | 59,5 | 323,7 | 1,5 | 26,5 | 295,7 | 216,5 | 4,81 | 0,61 | 1,0 | 3,2 |

Из приведенных таблиц можно заключить: 1) части войск в течение 38 месяцев участия в боях потеряли убитыми, ранеными, газоотравленными и пропавшими без вести 651,2°/₀ офицерского состава и 604,5°/₀ состава солдат; 2) потери офицерского состава, за исключением пропавших без вести (солдаты на 125,8°/₀ выше офицерского состава) выше потерь в солдатском составе (убитыми на 23,4°/₀, ранеными и контуженными на 147,8°/₀, от ядовитых газов всего на 1,27°/₀; 3) по величине общих боевых потерь на первом месте стоит пехота, в порядке понижения потерь идут пограничная стража, кавалерия, артиллерия, инженерные войска, затем прочие части; 4) отношение числа убитых к числу раненых почти одинаково как в офицерском (135,7°/₀), так и в солдатском составах (1 : 5,5). Д-р Аврамов приводит данные о заболеваемости и смертности по разным причинам (см. стр. 59).

Из данных настоящей таблицы можно сделать следующие выводы: общая заболеваемость (за 38 месяцев войны) среди солдат превышает таковую среди офицеров на 257,4°/₀, выздоровление же (возвращение на фронт) среди солдат стояло ниже, чем среди офи-

церов — на 50,7%. Скоропостижные смерти наблюдались у офицеров чаще, чем среди солдат. Из 88 836 заболевших за 38 месяцев войны офицерских чинов выздоровело и вернулось на фронт 72 821, что составляет 82%, а из 4 981 084 солдат выздоровело 3 086 911, т. е. 62,0%. Приводимые данные несколько раскрывают динамику смертоносного и понижающего биологическую мощь армии воздействия на нее войны.

| | Абсолютные цифры | | На 1 000 среднего наличного состава | |
|---|---|---|---|---|
| | офицерские чины | солдаты | офицерские чины | солдаты |
| Заболело | 88 836 | 4 981 084 | 1 051,3 | 1 308,7 |
| Выздоровело и вернулось на фронт | 72 821 | 3 086 911 | 861,8 | 811,1 |
| Умерло скоропостижно: | | | | |
| 1) от болезней | 166 | 2 387 | 1,96 | 0,63 |
| 2) » несчастных случаев | 229 | 3 628 | 2,71 | 0,95 |
| 3) » самоубийства | 248 | 538 | 2,93 | 0,14 |

Безвозвратные потери русской армии исчисляются следующим образом:[1]

| | | |
|---|---|---|
| Убито | 664 890 | человек |
| Умерло от ран в лечебных заведениях | 300 000 | » |
| » » » при частях | 18 378 | » |
| Умерло от болезней в лечебных заведениях | 230 000 | » |
| Умерло скоропостижно | 7 196 | » |
| » в плену | 285 000 | » |
| Пропало без вести | 200 000 | » |
| Умерло от ядовитых газов | 6 340 | » |
| Погибло на Кавказском фронте: убитых, умерших от ран и болезней и т. д. | 50 000 | » |
| Всего 1 661 804 или за округлением | 1 660 000 | человек |

При 14 миллионах мобилизованных общие потери жизнями надо считать следовательно в 12%. Вероятно действительные цифры потерь выше.

Сопоставление этих данных с такими же данными о боевых потерях других воюющих стран показывает, что в абсолютных числах потери русских армий уступают только германским.

[1] В. И. Биншток. Военные потери России в войну 1914 — 1918 гг. «Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914 — 1920 гг.».

К указанным выше боевым потерям следует добавить еще, что в течение войны с 1 августа 1914 г. по 1 октября 1917 г. заболело 5 069 920 чел. (188 386 офицеров и 4 981 084 солдат) и ранено 3 748 000 чел.

Допуская определенные неточности в исчислениях, произведенных во время войны, цифра пострадавших, т. е. убитых и умерших, раненых, контуженных и пострадавших от газов, пропавших без вести и заболевших исчисляется в 11 879 208 (Сысин). Таким образом, почти каждый участник войны в той или иной мере пострадал на войне. Из заболевших большая часть вернулась снова на фронт, но все же около 40% (1 910 188 чел.) осталось в тылу, как неспособные к фронтовой боевой жизни. Какая часть из них вполне пригодна в той или иной мере к прежней трудовой жизни — за неимением материалов сказать невозможно. Приблизительное количество инвалидов лишь за два первые года войны, по данным Копенгагенского общества изучения последствий войны, определилось для воюющих стран в 3 373 000.[1]

По исходу ранений и заболеваний у пользованных (выбывших) в петроградских лазаретах уволено вовсе от службы по ранениям — 25,2%, по болезни — 14,9% (С. А. Новосельский). Предположительные данные исчисляют выбывших с неполным выздоровлением или хроническими болезнями и увечных в 1 674 871 чел., из которых большая часть — с ограниченностью движений, с поражениями центральной нервной системы и хроническими болезнями. Даже если некоторая часть из указанных категорий частично восстановит свою трудоспособность, все же сотни тысяч инвалидов обременят страну и повлияют на понижение биологического тонуса населения.

Как и всякое потрясение, война и военные действия не могли не оказать своего разрушающего влияния на основные отправления жизни человеческого организма, в том числе на высшие органы управления ими — мозг и нервную систему, всех тех, кто непосредственно соприкасался с войной или понес какую-либо тяжелую утрату вследствие нее. Многочисленные авторы[2] констатировали

---

[1] Санитарное состояние России в настоящем и прошлом, цит. по А. И. Сысину. Сборник «Социальная гигиена» № 2, Гиз, 1923.

[2] В. А. Горовой-Шалтан. К вопросу о душевной заболеваемости населения при современных условиях. «Психиатрия и неврология и экспериментальная психология», Гиз, 1922. А. М. Терешкович. Влияние войны и революции на психическую заболеваемость, «Московский медицинский журнал» № 4, 1924. В. П. Осипов. О душевных заболеваниях в Петрограде в условиях настоящего времени. «Изв. комиссариата здравоохранения», П. «Труды комиссии» и т. д., № № 7 — 12 1919. В. И. Биншток. Душевно-больные в петроградских больницах в 1917 — 1919 гг. «Материалы по статистике Петрограда и Петроградской губ.», вып. 5, 1925 и др.

повышение душевных заболеваний среди гражданского населения, явившихся следствием перипетий войны. Повышение числа душевных больных среди гражданского населения является отраженным влиянием воздействия войны и условий, ею порожденных, поэтому a priori можно предположить усиление душевных заболеваний среди военного населения, на полях сражения теряющих свою невро-психическую устойчивость. «Обусловливается это не только огромным числом сражающихся, а следовательно и травматизируемых, но усложнением и умножением средств войны, среди них особенно тех, которые рассчитаны, чтобы с разрушающим и уничтожающим действием на бойцов производить еще и устрашающее. В этом смысле война является неисчерпаемым источником физической и психической травмы».[1] «Огромное влияние на нервную систему имеют неразлучные с войной душевные волнения и потрясения: возбуждение при атаке, напряжение на разведке, угнетение при аресте, борьба с чувством самосохранения, горе при гибели товарищей, ужас и негодование при виде зверской жестокости и многое другое. Но во время войны, помимо психических факторов, имеют значение, притом гораздо бóльшее, факторы материальные. Неразрывно связанные с боевой жизнью физические лишения и страдания (переутомление, недосыпание, голодание) и такие привходящие моменты, как травма, контузия, пьянство в тылу и т. п., со своей стороны не могут не влиять на нервно-психический аппарат человека».[2]

Организация психиатрической помощи военнослужащим с первого же дня войны, несмотря на ясность назревающей потребности в госпитализации и призрении душевно-больных, была очень шатка, и действительно, уже зимой 1914 — 1915 года обнаружился повсеместно значительный приток душевно-больных как с фронта, так из частей армий, расположенных внутри страны. Проведенная Союзом городов анкета на 1 апреля 1915 г. среди общественных и правительственных психиатрических заведений, на которую откликнулось 57, т. е. более $^3/_4$ всех существовавших учреждений этого типа, развернула следующую картину. Всего, считая вместе с воинскими чинами и испытуемыми новобранцами и призывными, а также беженцами, военнопленными, подданными враждебных государств, подвергшимися высылке, было зарегистрировано в 48 больницах (в 9 больницах военные не призревались) 5 833 «военных» случаях. Из них число душевно-больных офицерских и ниж-

[1] А. И. Иносов. Травматический невроз военного времени, «Вестник ж. д. медицины и санитарии» № 3 — 4, 1917.

[2] А. Л. Мендельсон. Нервно-психическая гигиена и профилактика, стр. 23, Гиз, 1927.

них чинов из частей армии, как действующих на фронте, так и расположенных в тылу, составляло не менее 2 744 чел. Красный крест, возглавлявший дело госпитализации душевно-больных, был далеко не на высоте и препятствовал только развитию этого вида помощи народившимся союзам.

В ноябре 1915 г. Петроградская областная комиссия предприняла новую анкету по сокращенной программе. Всего был получен 61 ответ от общественных заведений Европейской России, 6 ответов от правительственных и 1 от частного заведения, в итоге 68 ответов, охвативших 12 185 случаев поступления душевно-больных воинов (анкета относилась только к воинам, не касаясь других категорий «военных» пациентов: беженцев, военнопленных и пр.) за время от начала войны по 1 ноября 1915 года как с фронта, так и из тыловых частей армии, считая и испытуемых новобранцев и призывных из запаса и ополчения. Указанное число 12 185 поступлений не составляет всей цифры притока душевно-больных воинов за время войны по 1 ноября 1915 года, ибо в этот итог не вошли данные по многим ведомственным психиатрическим заведениям, да и из числа общественных заведений опрашивались только те, которые находились в Европейской России, а из них, несмотря на громадный процент ответивших, все-таки нашлось 2 довольно крупных заведения, не приславших ответов. К указанным выше данным можно добавить, что через учреждения Красного креста до 1 апреля 1916 г. прошло 3 640 душевно-больных, преимущественно военных. [1]

Если в довоенное время число больных в психиатрических заведениях в год не превышало 40 — 45 тысяч, то даже эта преуменьшенная цифра «чисто военных» случаев дает представление о колоссальном потрясении в нервно-психическом здоровьи населения. Можно предположить, что в эту цифру вошли не быстро проходящие психозы и так-наз. травматические неврозы, а проявления глубоких нарушений психической сферы, на многие годы нарушающие нормальную жизнь человека и понижающие его работоспособность. Характер душевных заболеваний определяется следующими данными: [2] исход заболеваний только в 42% давал выздоровление или улучшение, без улучшения 54,7% (формы болезней неизлечимы). Диагнозы болезней иллюстрируются следующим: врожденное слабоумие — 8,5%, значительно большее число больных

---

[1] По материалам «Трудов чрезвычайного Пироговского съезда 4 — 8 апреля, 1916 г.».

[2] П. П. Кащенко. Некоторые цифровые данные о движении душевно-больных воинов в 4 временных психиатрических лазаретах Земского и Городского союзов в Петрограде. «Труды чрезвычайного Пироговского съезда 4 — 8 апреля, 1916 г.».

с преждевременным слабоумием — 30,5°/₀, эпилептиков — 14,4°/₀, травматиков — 12,6°/₀.

Повидимому, война являлась только толчком к проявлению тяжелого недуга у многих лиц предрасположенных или с ослабленным психическим здоровьем.

К сожалению, весьма интересный вопрос о том, где и когда обнаружился психоз — до или после военных событий, остается в большинстве случаев неразрешимым за неимением точных, проверенных сведений (в 48,5°/₀). В отношении боевой обстановки — в сражениях и поблизости к ним были 774 больных из общего числа 1 078, и душевное заболевание как следствие контузий, ранений и других переживаний военного времени наблюдалось у 124 чел. из всего числа больных. Из числа душевных больных, пропущенных через учреждения Северо-западного фронта были на позициях 37,2°/₀, участвовали в сражениях 34,2°/₀. [1]

Приведенные примеры ясно доказывают, что нарушение всех функций в области народного здравия не могло не затронуть и нервно-психической сферы его. И если понижение биологического тонуса населения могло повлечь за собой в значительной мере упадок в экономическо-хозяйственной жизни страны, то нарушение психического равновесия прибавляло угрозу в виде наследственных последствий, т. е. деградации нарождающегося поколения.

Чтобы закончить описание санитарного состояния страны, необходимо остановиться на развитии инфекционных заболеваний среди гражданского населения и армии. Инфекционные болезни, в большинстве своем являющиеся показателем степени благосостояния, культурности населения, в довоенное время играли большую роль в жизни русского города и деревни. К счастью, эпидемии, эти неизбежные спутники войны — не получили сильного распространения в течение 1914 — 1917 гг. среди гражданского населения.

НА 10 000 ЧЕЛОВЕК НАСЕЛЕНИЯ ЗАБОЛЕЛО:

| | 1913 | 1914 | 1915 | 1916 |
|---|---|---|---|---|
| Сыпной тиф (29 губ.) | 8 | 7 | 6 | 8 |
| Брюшной тиф (29 губ.) | 29 | 24 | 19 | 18 |
| Возвратный тиф (29 губ.) | 1 | 1 | 1 | 8 |
| Неопределенный тиф (29 губ.) | 5 | 4 | 3 | 2 |
| Дизентерия (29 губ.) | 34 | 30 | 24 | 20 |
| Скарлатина (29 губ.) | 33 | 26 | 27 | 22 |
| Дифтерия (29 губ.) | 32 | 27 | 20 | 14 |
| Натуральная оспа (29 губ.) | 5 | 6 | 7 | 8 |
| Корь (29 губ.) | 35 | 27 | 26 | 18 |

[1] Н. И. Реформатский. Призрение и эвакуация душевно-больных воинов действующих армий в Северо-западном районе, «Труды чрезвычайного Пироговского съезда 4 — 8 апреля, 1916 г.».

Из приведенных данных видно, что детские инфекции среди гражданского населения, как и прочие заразные заболевания, в течение первых лет войны несколько снизились.

То же понижение среди гражданского населения отмечается и в распространении социальных болезней — туберкулеза, венеризма и алкоголизма. Официальная статистика, которой мы пользовались и выше, дает к 1916 году уменьшение показателей этих болезней. Сифилис в 1914 г. дал 1 124 437 зарегистрированных случаев или 74,7 на 10 000 населения (без Польши и Литвы). Наибольшее число заболеваний приходится на сельские местности — 65%; на города — 35%. Наиболее пораженными в 1914 г. являлись центральные земледельческие губернии России, а также большие города: Петербург, Москва, Баку, Ростов, Николаев.

К сожалению регистрация заболеваний, и в довоенное время оставлявшая желать лучшего, за годы войны сильно пострадала, так что приводимые из официальных источников цифры, особенно относящиеся к социальным болезням, должны приниматься с известной осторожностью.

Сифилизация населения, ведущая к вырождению потомства и мертворождениям, конечно во время войны должна была усилиться, благодаря массовым переброскам людских контингентов, живущих вне нормальных домашних условий. И по наблюдениям многих врачей, рост числа случаев полового заражения сифилисом, наблюдавшийся и до войны, во время войны являлся очевидным фактом. По данным о деятельности амбулатории Мясницкой больницы,[1] общий процент венерических болезней возрос с 1913 г. к окончанию войны с 53,5 до 63,5. Один сифилис дает неуклонный прогрессивно-возрастающий рост, доходящий с 12,8 до 17,7 к 1917 г. По данным той же больницы, число мужчин в годы войны, лечившихся по венерическим болезням, несколько пало, что связано с отливом на войну мужского населения, тогда как число больных женщин с 1912 г. до 1917 г. непрерывно увеличивалось. Примеры наблюдений подобного рода можно во много раз увеличить, но, к сожалению, обобщающих данных по России или по какому-либо крупному центру не имеется.

Обращаясь к вопросу о распространении сифилиса и венерических болезней в русской армии, можно считать процент венериков значительным. Так, по данным проф. Павлова, за 1900 г. из 100 солдат, заболевших венерическими болезнями, заболели за 1-й год службы — 9,3%, за 2-й — 13,4%, за 3-й — 34,4% и за 4-й — 42,7%.

---

[1] Д-р Г. О. Сутеев. К вопросу о движении венерических болезней в последние годы, «Московский медицинский журнал» № 5—6, 1922.

В русской армии в 1912 г. было 13,3% сифилитиков.[1] В 1913 г. среди матросов русского флота было 21,9% сифилитиков. Частота заболеваний триппером в армии — 23,8% (1912 г.), во флоте — 55,7%.

Среди русских войсковых частей до войны наиболее пораженными венерическими болезнями были войска Сибирского военного округа, хотя распространение венерических болезней среди населения Сибири не было выше, нежели среди населения Европейской России (в Европейской России приходилось 45 солдат венериков на 1 000, в Сибири — 125). Такая разница, по свидетельству выдающихся гигиенистов, происходила от того, что солдаты Европейской России в большинстве случаев за время службы сохраняли возможность периодического общения с семьей, между тем как солдаты Сибири при скудости железных дорог и при обширности территории в большинстве случаев отрывались от своих семейств на все время службы. Годы войны дали достаточно данных, как увидим ниже, чтобы судить о том, какое влияние на рост венерических болезней имеет длительная разлука с семьей.

Д-р Сутеев приводит следующие данные:

«Сразу после об'явления войны количество венерических больных возросло до такой степени, что все предназначенные для этой цели лечебные учреждения и команды выздоравливающих были переполнены сверх всякой меры. Огромной массой венерики бросились в тыл. Насколько велик был их наплыв, видно хотя бы из того, что, согласно сообщения д-ра Н. Е. Анненкова, в один только бывший Московский генеральный госпиталь за октябрь 1914 г. поступило 1 000 венериков. В ноябре их было уже свыше 7 000 и столько же поступило за декабрь. Переполнен госпиталь был до такой степени, что в начале 1915 г. на одного врача приходилось до 1 500 чел. больных.

Правительство было совершенно неподготовлено к такому ужасающему росту венерических болезней, и тогда был издан знаменитый приказ, согласно которому венерикам запрещено было покидать позиции для лечения. Такая мера, конечно, могла только содействовать росту венерических болезней. А как исполнился этот приказ в армии, можно судить по докладам некоторых врачей, служивших в это время в передовых частях, — так, д-р Холин

[1] Отчет о санитарном состоянии русской армии за 1912 год, Петроград, изд. ГВСУ, 1914. Дальнейшее изложение, относящееся к распространению венерических болезней в армии, составлено: по проф. Иванову: Война, народное здравие и венерические болезни, Петроград, 1916; Мещерскому, Броннеру и Малышеву: Влияние социальных факторов на рост венерических болезней и роль государства в борьбе с этими болезнями, Москва, 1921 и Хайесу: Курс социальной гигиены. Примечания проф. Каплуна и д-ра Сутеева.

сообщил, что в конной армии, по его наблюдениям, венерикам с явлениями острого триппера, с различными осложнениями, даже с заразными явлениями сифилиса, воспрещалось оставлять седло».

Рост венерических болезней в армии можно иллюстрировать следующими данными:

**НА 1000 ЧЕЛОВЕК ГОСПИТАЛЬНЫМ ЛЕЧЕНИЕМ ПОЛЬЗОВАЛОСЬ:**

| Годы | Всего венериков | Из них сифилитиков |
|---|---|---|
| 1909 | 47,9 | 15,3 |
| 1910 | 47,4 | 15,1 |
| 1911 | 47,0 | 14,7 |
| 1912 | 42,9 | 12,9 |
| 1913 | 42,6 | 12,5 |
| 1914—1916 (средн. в год) | 55,7 | 16,0 |

Как бы устоявшаяся величина венериков, прошедших госпитальное лечение в течение 5-летия 1909 — 1913 гг., не превышавшая 47,9°/₀, сразу дала рост до 55,7°/₀; точно так же возросло и число сифилитиков. Относительное и абсолютное увеличение размеров армий, пользовавшихся в бивуачной и походной жизни случайными связями, страшнейшая пауперизация населения в зоне военных действий и развитие проституции не могли не служить причинами как абсолютного, так и относительного увеличения распространения венерических болезней, на долгие годы грозивших понижением социального здоровья русского населения.

Легочный туберкулез в 1914 году зарегистрирован в 775 904 случаев или 51,6 на 10 000 населения. Ввиду неполноты регистрации указанное число, конечно, следует во много раз увеличить. Видимое противоречие между данными об уменьшении заболеваемости туберкулезом и ростом смертности, всецело об'ясняется недостаточно точной регистрацией в России заболеваний и прекрасно налаженной статистикой смертности в Петрограде и др. больших городах, по которым вполне можно судить о разбираемом явлении. Отмеченная выше смертность от туберкулеза в городах, где статистика смертности поставлена хорошо, показывает на увеличивавшуюся опасность этой социальной болезни во время войны.

Ярким показателем тяжелых условий голодного существования являются цифры заболеваний цынгой, распространение которой всецело зависит от условий питания.

РОСТ ЦЫНГИ В ГОЛОДНЫЕ ГОДЫ ОЧЕВИДЕН.

По *А. Сысину* было:

| Годы | Заболеваний | Годы | Заболеваний |
|---|---|---|---|
| 1892 | 196 970 | 1907 | 78 830 |
| 1893 | 101 602 | 1908 | 44 832 |
| 1898 | 72 376 | 1912 | 103 804 |
| 1899 | 154 119 | 1913 | 39 260 |
| | | 1914 | 28 725 |

В 1915 году зарегистрировано по 29 губ. 33 425 заболеваний. В 1916 году заболевало цынгой по 29 губ. 5 на 10 000 против 2 в 1913 году.[1] Условия питания не могли не сказаться на заболеваемости цынгой и, несмотря на неполноту регистрации, видно, что в 1916 г. отмечено в 2,5 раза больше заболеваний.

Армия представляла огромный костер, готовый ежеминутно вспыхнуть в условиях тяжелой походной жизни, постоянного сверхсильного нервного напряжения и т. д. Несмотря на это, первые годы войны к удивлению не дали относительного повышения инфекционных заболеваний в армии. Но впоследствии она стала тем очагом, откуда эпидемия перебрасывалась в глубь страны.

В конце 1914 года были отмечены вспышки холеры под Варшавой и в Галиции. Холера повторилась в 1915 году в связи с беженским движением. В течение 1915 года усилился брюшной тиф. Зимние месяцев 1915 — 1916 гг. дали вспышку возвратного тифа. Однако сравнительное благополучие армии к концу войны под влиянием все ухудшающихся условий заметно пошатнулась и инфекционные заболевания дали значительный скачок вверх.

Нижеследующие данные рисуют развитие эпидемических заболеваний в армии.[2]

| | Август и декабрь 1914 г. | 1915 г. | 1916 г. | Январь и сентябрь 1917 г. | Всего | На 1 000 человек заболело |
|---|---|---|---|---|---|---|
| Тиф брюшной | 13 983 | 56 583 | 19 406 | 7 550 | 97 522 | 25,1 |
| » сыпной | 771 | 4 827 | 7 725 | 8 270 | 21 093 | 5,4 |
| » возвратный | 35 | 4 333 | 27 958 | 43 108 | 75 429 | 19,4 |
| Дизентерия | 7 531 | 14 251 | 26 722 | 15 860 | 64 864 | 16,5 |
| Холера | 8 758 | 20 589 | 1 343 | 120 | 30 810 | 7,9 |
| Натуральная оспа | 301 | 1 286 | 743 | 377 | 3 708 | 0,7 |

[1] «Статистические материалы по состоянию народного здравия и организации медиц. помощи в СССР за 1913 — 1923 гг.», изд. НКЗ, 1926.

[2] В. Аврамов. Жертвы империалистической войны, «Известия Наркомздрава» № 1 — 2, 1920.

Выделяется рост паразитарных тифов, в 1917 г. давших свыше 50 000 заболеваний. Нельзя не отметить развития малярии на Румынском фронте, которой заболело в 1917 г. 42 800 чел. «Эпидемия малярии должна быть отнесена к разряду жестоких: она обессилила армию в 2 раза сильнее, чем все тифы вместе взятые» (Сухарев).

Характерно увеличение заболеваний цынгой в армиях. В указанные выше периоды: в 1914 г. зарегистрировано — 90 случаев, в 1915 г. — 770, в 1916 — 78 250, в 1917 г. (по сентябрь) 283 646. Кроме того в 1917 г. еще пользовалось амбулаторно при частях 138 241 чел. 500 тыс. цынготных заболеваний в армии — цифра колосальная. «На Румынском фронте эпидемия цынги достигла таких размеров, что в мае 1917 г. выводила из строя целые боевые единицы, расстраивая полки, дивизии и даже корпуса. Цынга здесь поражала 44,5 из каждой 1 000 наличного состава, считая лишь госпитальные случаи» (Мухарев). Д-р Марзеев, подробно проанализировав 28 000 случаев цынготных заболеваний в армии, проявившихся при самых разнообразных условиях военной жизни, пришел к выводу, что условия жилищные и климатические и утомление не оказывают влияния на развитие цынги, равно не было никаких данных об инфекционном характере распространения болезни; напротив, характер питания, состав пищи и длительное перегревание пищи в окопах оказали существенное влияние. Максимум заболеваний пал на те войсковые части, в которых получался минимум овощей, хотя бы по количеству получаемого мяса они и занимали высокое место. Во всех случаях, когда суточное количество мяса спускалось ниже 49 золотников, а количество свежих овощей ниже 25 золотников, — наступали заболевания цынгой (Мольков).

1916 год, являющийся переходным в продовольственном деле России, а еще сильнее 1917 г. принесли армии все элементы начавшейся разрухи, создавая санитарный развал фронта. Недостаток питания гражданского населения, однообразие пищи и недостаток овощей в армии успели оказать свое губительное влияние уже во время войны, подтверждая положение, что пища является основой существования человека и колебания в характере ее тотчас же понижают сопротивляемость организма, увеличивая заболеваемость. Верный барометр санитарного состояния страны, эпидемии проявили себя в следующие годы тяжелых испытаний Союза, пронесшись бурным шквалом по всей стране. Но начало было положено в 1916 — 1917 г., когда стихийная демобилизация, при резком ухудшении социально-гигиенических условий, рассеяла эпидемические очаги по всей стране.

Даже беглое описание санитарного состояния России 1914 —

1917 гг. будет неполным, если в кратких чертах не коснуться стихийных переселений населения, связанных с военными действиями, резко отразившимися на санитарном состоянии страны во время самой войны. Здесь идет речь о беженстве, выселенчестве и громадных эвакуациях военнопленных.

Цифра военнопленных достигала 2,5 — 3 млн. чел., главным образом австрийцев и венгерцев. Передвижению этих групп сопутствовали сразу вспышки эпидемий. В 1915 г. в поволжских губерниях вспыхивает сыпной тиф, завезенный военнопленными турками. Сибирь, Урал, Туркестан — места поселения военнопленных, переправляемых сотнями тысяч через огромные пространства России в 1916 г., дают массу очагов сыпного тифа. Военнопленные, передвигаясь по стране, разносят инфекцию и тысячами сами гибнут. Значительно более тяжелое состояние переживают выселенцы и беженцы, представившие бóльшую угрозу санитарному состоянию России, чем военнопленные. По данным Татианинского комитета, число их к 1917 г. определялось в 3,2 млн. чел., официально зарегистрированных.

Началось беженское и выселенческое движение в конце 1914 г. из Польши, где по распоряжению военных властей подвергали издевательству и гонениям еврейское население. Выселяемые силой, иногда в течение нескольких часов, «беженцы» располагались сначала лагерями вблизи прифронтовой полосы, а затем, притесняемые властями и напуганные близостью военных действий, массами Россия представляла картину «великого переселения народов». Полураздетые, с массой детей и стариков на руках, беженцы грузились в товарные вагоны и пускались в далекие путешествия. В ужасающих условиях передвижения, истощенные, брошенные, подавленные морально и физически, сотни тысяч беженцев широкой волной влились в гущу коренного населения, давая вспышки инфекций уже поразивших их ряды» (Сысин). Расселяемые в едва сколоченных бараках, землянках, вагонах, умиравшие массами уже в пути, беженцы тысячами гибли в тягчайших условиях. Лишь в Бобруйском районе за 3 месяца 1915 года медицинские организации Земского союза зарегистрировали 10 967 случаев заразных болезней.

Во время июльского беженства из турецкой Армении погибло около 20 000 беженцев. В одном только Эчмиадзине за 13 дней погибло 1 370 чел. Бедствия, которые пришлось переживать беженцам и выселенцам на месте их оседания, доводили беженцев до отчаяния: из-за куска хлеба голодные беженцы вовлекались в разврат (Жбанков).

Эту беженскую эпопею, вырвавшую сотни тысяч жертв, можно дополнить еще одним небольшим штрихом. Масса туземцев Туркестана и переселяемых с востока Сибири китайцев направлялись на крайний север (часть из них была направлена на Архангельск и Мурманск) для производства тяжелых работ в непривычных климатических условиях и гибла там тысячами от различных болезней.

Вот отдельные штрихи, создающие общую санитарную картину той мировой трагедии, которая останется памятной потомству под названием мировой войны. Миллионы убитых и раненых, сотни тысяч инвалидов и потерявших трудоспособность, сотни тысяч погибших беженцев и пленных, миллионы в той или иной мере потерявших часть своего здоровья людей — таков конечный итог минувшей войны.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

# ОРГАНИЗАЦИЯ ВРАЧЕБНОЙ ПОМОЩИ НАСЕЛЕНИЮ И В АРМИИ.

Для более полной оценки состояния народного здравия в дореволюционной России надо в кратких чертах очертить положение дела оказания врачебной помощи населению и те пертурбации, которые претерпевало оно в период мировой войны.

Интересы здравоохранения, как правило, занимали подчиненное, второстепенное, если не более далекое место по отношению к другим вопросам общественной важности, и, какие бы самые скромные нормы ни были приняты в отношении медицинской помощи, Россия всегда была далека от удовлетворения самых минимальных требований.

Общепринятым считалось, что помощь населению должна быть бесплатной, общедоступной и квалифицированной. По расчету общественных кругов (работников цензового земства) устанавливался врачебный участок с максимальным десятиверстным радиусом, снабженный благоустроенной и оборудованной больницей по расчету одной общей койки на 1 000 населения; быв. МВД (министерство внутренних дел) устанавливало норму пространства от лечебницы в 15 — 20 верст с населением в 15 — 20 тысяч. Конечно, и эти минимальные нормы оказывались в России только теоретическими.

В 1910 г. в земских губерниях один врач в среднем приходится в городах на 1 200 чел., а в уездах — один на 22 500 населения. В неземских губерниях один врач приходится в городах на 1 800 чел., а в уездах один — на 24 500. В Вятской губернии (земская) один врач приходился на 51 800 чел., в Оренбургской (неземская) — 1 врач на 70 400 населения. Еще менее обеспечено население было в Сибири, где в городах один врач приходился на 1 900 чел., а в уездах — один на 33 300. «На три огромных золотопромышленных района — Амурский, Зейский и Баргузинский — величиной каждый с Германскую империю с десятками тысяч пришлых рабочих, в 1910 г. было только 1 — 3 врача. Еще хуже обстояли дела в наших среднеазиатских владениях, где на одного врача в селениях

приходится 92 800 населения, причем в Семипалатинской области число это повышается до 139 000, в Уральской — до 238 600». [1]

Насколько мизерна была у нас организация медицинской помощи незадолго до войны, можно иллюстрировать следующими сравнительными данными, относящимися к 1909 году (по В. Канель):

| | На 1 врача приходится жителей | На 1 врача приходится площади в *кв. см* |
|---|---|---|
| Англия и Уэльс | 1 400 | 5,9 |
| Италия | 1 580 | 13,4 |
| Швейцария | 1 640 | 20,3 |
| Бельгия | 1 790 | 7,1 |
| Норвегия | 1 880 | 257,5 |
| Дания | 1 920 | 165,5 |
| Германия | 2 000 | 17,8 |
| Франция | 2 150 | 29,1 |
| Австрия | 2 220 | 23,5 |
| Россия | 6 250 | 880,2 |

При рассмотрении настоящей таблицы следует иметь в виду то обстоятельство, что расчет населения, приходящегося на 1 врача, произведен из всей массы врачей, в том числе военных и морских, которые, в особенности в России, в деле оказания врачебной помощи населению участия не принимали. Врачебно-санитарное обслуживание населения в дореволюционной России не было сосредоточено в едином руководящем аппарате, а разбросано в многочисленных ведомствах и учреждениях, и говорить о каком-либо руководстве или системе медицинской помощи в общегосударственном масштабе почти не приходится.

Наиболее организованным врачебно-санитарное обслуживание было в земских губерниях, где выполнение тяжких обязанностей врача совмещалось с огромной культурной организационной работой передовых общественных врачей. Нам не приходится останавливаться на полувековой деятельности земских врачей, вынесших все тяготы невежества, темноты и косности русской деревни, а также произвола и бесправия существовавшего режима. Выразителем чаяний и политических стремлений, а также об'единяющим организующим центром земской медицины являлись пироговские с'езды, значение которых было достаточно авторитетно, но при существовавших условиях не могло оказать решающего воздействия на правильную постановку дела здравоохранения. Уже задолго до

[1] В. Канель. Врачебная помощь населению, Энциклопедический словарь, Гранат, т. II.

войны все передовые и общественно-настроенные врачи выдвигали требование сосредоточения всех вопросов охраны здоровья населения в едином государственном органе.

Попытка организации министерства здравоохранения незадолго до революции имела место в России. Наполовину обанкротившееся бюрократическое правительство царской России в недрах своих стремилось создать министерство, все силы и средства которого могли быть обращенными на борьбу с земской и городской общественностью в медико-санитарном строительстве. Так называемая «Рейновская» комиссия (по фамилии председателя комиссии) разработавшая проект создания министерства, вызвала всеобщий негодующий отклик со стороны всех передовых элементов, ясно сознавших всю бессмысленность и общественную никчемность бюрократического творчества дореволюционной России. Парадоксальный факт протеста против учреждения, по существу необходимого, мог иметь место только при том уродливом отпечатке, который накладывался царским правительством даже на благие проекты.

Если в земских губерниях медицинская помощь перед войной была представлена в довольно широко развитых организационных формах, то русские города почти повсеместно не имели организованного врачебно-санитарного обслуживания, а в тех городах, где местными самоуправлениями предпринимались некоторые шаги в этом направлении, медико-санитарное дело было в зачаточном состоянии — лечебная помощь находилась в руках частных врачей, а санитарное состояние русских городов и его обслуживание было на низких ступенях. В 1913 году число врачебных участков по 83 губерниям определялось в 4 282, но громадная часть сельского населения была обслуживаема фельдшерскими пунктами — 5 111. К концу 1913 года в тогдашней Российской империи числилось 24 031 гражданских врачей и около 8 000 военных и морских. Из общего числа гражданских врачей 17 035 — 71% проживали в городах и 6 999 или 29% в негородских поселениях.[1]

Начавшаяся война уже с первого дня значительно расшатала и без того слабую организацию медицинской помощи в России. Материалы анкеты Пироговского общества[2] и Земского союза,[3] относящиеся к началу 1915 г., дают достаточно рельефное пред-

[1] «Статистические материалы по состоянию народного здравия и организации медицинской помощи в СССР за 1913 — 1923 гг.», изд. НКЗ, 1926.

[2] П. Куркин. Земская медицина в годину войны 1914 — 1915 гг., «Общественный врач» № 9 — 10, 1915.

[3] К. Славский. Земская медицина и война, «Общественный врач» № 9 — 10 1915.

ставление о размерах разрушений, нанесенных войной земской врачебно-санитарной организации, наиболее мощной в дореволюционной России.

Анкетные сведения Пироговского общества обнимают 187 уездов в 40 губерниях. П. И. Куркин считает, что в начале войны «произошла не только приостановка в развитии земской участковой медицины, но и глубокие изменения и нарушения в ее внутреннем строе». Надо заметить, что практиковавшийся учет дееспособности организации по числу врачебных участков не мог дать представления об истинном положении дела, так как многие участки существовали только номинально, сплошь да рядом без врачебного обслуживания. Многие врачебные участки пустовали, некоторые из них об'единялись с соседними врачебными участками, где еще сохранился врач. Число пустовавших участков доходило до 443 из 1 605, т. е. 28% всех медицинских участков в 40 губерниях. «Если принять, что отсутствие наличного состава врачей в $^1/_3$ — $^1/_2$ всех существующих участков в уезде не может не представлять уже само по себе тревожного симптома глубокого расстройства местной участковой медицинской организации, то по распространению этого симптома в столь значительном районе местностей на площадь земской России можно заключить с большим правом о неблагополучном состоянии земской участковой медицины в стране вообще».

В течение первого же призыва из 1 717 врачей мужчин на военную службу было призвано 735 чел., или 35,5% общего состава; добровольный уход с земской службы в постоянных лечебных учреждениях, с поступлением в военные госпитали, в союзные отряды и т. д. определяется в 103 чел., или около 5% общего состава врачей — «в общем убыль врачебного персонала земской участковой медицины в связи с военными событиями определяется чрезвычайно высоким отношением, восходящим до 40,5% общего врачебного состава. Если прибавить к этому и значительный уход с земской службы среднего персонала, то станет ясным, какая огромная брешь образовалась в оказании медицинской помощи преобладающему населению России — крестьянству.

На оставшееся число врачей, кроме обычных обязанностей, было возложено участие в многочисленных приемных комиссиях для освидетельствования призываемых на военную службу, замещения уездных врачей, судебная медицина и многое другое, что не могло не отразиться еще более губительным образом на оказании медицинской помощи.

По данным анкеты Земского союза, к середине 1915 года, собранным по 228 уездам 42 губерний, из общего числа врачей

2 261 чел. оказалось призванными 795, т. е. 35,1%, перешло на службу в Союзы 131 — 5,8% и оставило службу по другим причинам 318, т. е. 14,1%, а всего 55%. «Наблюдалось небывалое развитие фельдшеризма; при отсутствии врачей, а равно и в тех случаях, когда один врач заведывал двумя и более участками, фактическое заведывание амбулаториями, участками и даже госпиталями переходило в руки фельдшерского персонала».[1]

Разруха, произведенная в земствах мобилизацией, увеличилась еще тягой врачей в организации Земского и Городского союзов, а также в учреждения Красного креста, причем здесь значение имело не только желание принять участие в мировой трагедии, но и лучшая оплата труда в названных организациях. Беспомощность земств привела к мысли о необходимости гражданской мобилизации врачей (трудовая повинность), которой не суждено было получить осуществление в дореволюционной России.[2]

Продолжающаяся война не дала возможности земствам начать восстановление своей медико-санитарной организации, которая к революции представляла разоренные остатки с большим трудом создававшегося здания общественно-медицинского строительства.

К сожалению, почти не сохранилось никаких материалов, касающихся дела обеспечения врачебной помощью в городах. Несомненно, что находившаяся в зачаточном состоянии медико-санитарная помощь со стороны городских самоуправлений еще более сократилась, а кроме того и значительная часть вольнопрактикующих врачей была призвана в армию. Косвенное представление о нехватке врачей и спросе на врачебную помощь могут дать цифры совместительства врачей по Москве, так как аналогичная, если не более резкая, картина наблюдалась в некоторых пунктах периферии, особенно полосы, прилегающей к фронту и внутреннего эвакуационного района. В Москве 7 врачей в 1915 г. имели в своем заведывании по 5 госпиталей и отделений с общим числом коек от 88 до 960 на одного, 13 врачей по 4 лазарета с общим числом кроватей от 412 до 1 235, 24 врача по 3 лазарета от 28 до 970 кроватей и 122 врача по лазаретам с общим числом от 12 до 675 кроватей на одного.[3]

---

[1] «Труды внеочередного Пироговского съезда 4 — 8 апреля 1916 г.».

[2] Впервые вопрос был затронут осенью 1915 г. в заседании «Особой комиссии при Управлении верховного начальника санитарной и эвакуационной части по вопросу о пополнении состава и распределении врачей». На «внеочередном Пироговском съезде по врачебно-санитарным вопросам в связи с условиями настоящего времени 4 — 18 апреля 1916 года вопрос этот был декларирован в докладе Д. Я. Дорфа «Земская медицина в связи с войной».

[3] Д. Н. Жбанков. Несколько данных о совместительстве врачей по заведыванию госпиталями в Москве, «Общественный врач» № 6 — 7 — 8, 1917.

С уверенностью можно сказать, что расширение об'ема обследования на всех врачей г. Москвы, а не только на заведывающих госпиталями, показало бы огромный недостаток врачей и чрезмерную перегрузку их по совместительству, не говоря уже о том, что многие из этих заведующих совместителей состояли профессорами, главными врачами и ординаторами городских и других больниц, школьными или даже санитарными врачами и... не оставляли и частной практики. Необ'ятные пространства страны остались абсолютно без медицинского обслуживания, все силы и средства были брошены на фронты и в учреждения, обслуживающие нужды войны.

Полная неподготовленность военно-санитарного ведомства к грандиозной задаче, ставшей перед ним, ведомственные трения, как всегда в таких случаях, вызвали у правительства представление о необходимости создания «Управления верховного начальника санитарной и эвакуационной части», наделенного диктаторскими полномочиями и возглавленного совершенно неуравновешенным человеком — принцем Ольденбургским. Насквозь обюрокраченная организация Красного креста, как и организация принца Ольденбургского, или «Сумбур-паши», как его называли, не могли, конечно, внести планомерности в дело медицинского обслуживания армий.

На арену политической и общественной жизни страны выступили созданные для оказания помощи больным и раненым союзы цензовой общественности — городов и земств. Работа Земского и Городского союзов, ненавистных правительству, протекала при исключительно тяжелых условиях. Какого бы вопроса ни коснуться — оказания специальных видов помощи, психиатрической помощи, эвакуации больных и раненых и т. п., — везде и постоянно военно-санитарное ведомство и Красный крест вносили дезорганизацию во всякую работу. В течение почти 2 лет, напр., Красный крест не выпускал из своих рук обслуживания душевнобольных, не будучи однако в силах сам справиться с этой задачей. Высылка евреев — врачей и среднего персонала — из прифронтовой полосы, служащих в Союзах, недопущение их для обслуживания санитарных поездов и т. п. были обычными явлениями.

При таких условиях нелепой борьбы ведомств, нетерпимого отношения к Городскому и Земскому союзам не могло быть речи о какой-нибудь планомерной организации медицинской помощи армии и населению.

Уже в 1916 году военному ведомству указывалось, что в деле распределения врачей[1] «его расточительность граничит с мотовством».

Следующие меры были предложены на Пироговском с'езде в

[1] «Труды чрезвычайного Пироговского съезда 1916 г.», стр. 80.

1916 г. для соблюдения большей экономии врачебных сил: 1) норма, принятая врачебно-санитарным ведомством для укомплектования кадра полковых врачей, слишком высока, она должна быть понижена до 2 — 3 врачей на полк; 2) нет никакой надобности «командировать» врачей из Риги в Витебск, а из Витебска в Ригу, из Москвы в Петроград, из Петрограда в Москву. Длительные периоды затишья влекут за собой бездействие врачей, тогда как страна лишена врачебной помощи при многотысячных пустующих больничных койках. Надлежит принять немедленно энергичные меры к тому, чтобы возвратить врачебный персонал по месту его постоянной службы с сохранением за ним той же работы по подаче помощи больным и раненым и допустить использование пустующих коек в госпиталях для болеющего мирного населения; 3) кроме голода во врачах, в стране ощущается еще более тяжелый по своим последствиям недостаток в медицинских преподавательских силах в университетах, так как большая часть ассистентов призвана на военную службу, значительное число приват-доцентов и профессоров частью служат по военно-санитарному ведомству, частью в разных общественных организациях. Оказались университеты, где не осталось ни одного профессора-хирурга и общую хирургическую патологию преподавал профессор судебной медицины, по кафедре хирургической факультетской клиники читал акушер, он же и по военно-полевой хирургии, а по кафедре госпитальной хирургической клиники — анатом.

Отмеченные факты происходили тогда, когда от медицинских факультетов требовались усиленные выпуски врачей с ускоренными сроками, при увеличении числа студентов в каждом из медицинских факультетов вследствие эвакуации двух университетов. Ввиду чрезвычайной важности хорошей подготовки выпускаемых врачей в интересах той же армии был поставлен вопрос о возвращении преподавательских кадров на время учебного периода к месту службы.

При составлении мобилизационного плана была упущена необходимость организации во время войны перевязочно-питательных, санитарно-дезинфекционных и эпидемических отрядов, подвижных складов, поездов-бань, дезинфекционных камер и аппаратов. По первоначальному плану на театр военных действий Красный крест должен был отправить 48 двухсоткроватных госпиталей, 37 этапных и 33 подвижных лазаретов, т. е. 118 полевых учреждений. Неумолимые требования жизни заставили Красный крест количественно расширить свою деятельность, доведя к 1 сентября 1915 г. собственно-полевые учреждения до 678, а вместе с тыловыми лазаретами — до 2 007.

Все перечисленные учреждения обслуживались 1 645 врачами, 9 625 сестрами, 214 фельдшерами, и 735 студентами-медиками. Кроме того Красным крестом было командировано в другие учреждения 7 811 сестер. Общество Красного креста незначительное участие приняло и в организации помощи беженцам, организовало несколько рентгеновских отрядов, поездов-бань, зубоврачебных и глазных отрядов.

Переданное Красному кресту дело призрения душевнобольных находилось в жалком состоянии. Ни военно-санитарное ведомство, ни Красный крест не могли в силу своей косности и бюрократизма развить действительно живого дела. Как указано выше, требовалось преодоление огромных препятствий, которые ставились обоими ведомствами новой силе — городам и земствам, чтобы достигнуть какого-либо успеха. Всякое живое начинание чахло и хирело в душных чиновничьих канцеляриях. Союзы городов и земств мыслились как нечто подсобное по отношению к военно-санитарному ведомству и Красному кресту. Задачи Земского союза сводились к оборудованию 25 — 30 тысяч хирургических коек и устройству нескольких санитарных поездов для перевозки раненых внутри страны за счет средств, ассигнованных земствами. Военно-санитарное ведомство и Красный крест отрицали за Союзом право на сколько-нибудь самостоятельную работу.[1] Роковые требования жизни показали иное.

Каких размеров достигла деятельность Земского союза, можно видеть из цифр о наличии медицинского персонала в Союзе в 1916 г.: в тыловых госпиталях насчитывалось 16 тысяч служащих, среди которых врачей было 3 217, фельдшеров — 3 934, сестер — 8 468, фармацевтов — 272, зубных врачей — 109; на фронте — врачей — 1 180, фельдшеров — 1 197, сестер — 3 503 и прочих — 396. Таким образом, в Земском союзе на службе было 4 397 врачей, т. е. около $^1/_5$ всех гражданских врачей, числившихся в России к началу войны. К 1916 году под флагом Союза состояло 173 000 коек. По сравнению с прочими организациями Земскому союзу принадлежит первое место (военное ведомство — 160 000 коек, г. Москва — 75 000, Союз городов около 70 000 и Красный крест — около 48 000 коек).

Для усиления транспорта и перевозки больных в тыловые госпиталя Земский союз располагал 50 санитарными поездами с 1 755 вагонами при 2 721 чел. обслуживающего персонала[2] с нор-

---

[1] З. П. Соловьев. Итоги врачебно-санитарной деятельности земского союза и ее дальнейшие цели, «Общественный врач» № 7, 1916.

[2] «Итоги врачебно-санитарной деятельности и ее дальнейшие задачи», «Известия Главного комитета» № 39, 15 мая 1916 г.

мальной емкостью в 22 500 человек. До половины января 1916 года поездами было перевезено 750 тысяч раненых. К сети госпиталей и лазаретов следует прибавить организацию передовых врачебных отрядов, задачей которых была подача первой медицинской помощи раненым, питание их и перевозка в ближайшие лазареты и эвакуационные пункты. Кроме отрядов перевозку раненых на передовых позициях производили особые транспорты Земского союза, как конные, так и автомобильные, а в иных случаях, напр. в гористых местностях, и вьючные. В периоды боевого затишья некоторые передовые отряды оказывали общую медицинскую и питательную помощь воинским частям, местному населению и беженцам.

Несколько благоприятнее сложились обстоятельства по отношению к организации санаторно-курортного лечения больных и раненых. Уже в первый год войны было развернуто свыше 2 000 коек для туберкулезных больных и до 4 000 коек для бальнеологического лечения (грязи, минеральные ванны и воды и климатотерапия). Конечно, этих коек было явно недостаточно, но дальнейшее развертывание их не могло быть осуществлено из-за обще-политических условий и препятствий, чинимых Союзу.

Медицинским советом Союза постепенно начали охватываться многочисленные стороны врачебно-санитарного обслуживания населения и армии, причем отдельные совещания, устраивавшиеся им (по борьбе с заразными болезнями, по оказанию санаторно-курортной помощи, по оказанию специальных видов медицинской помощи увечным и потерявшим трудоспособность воинам, о врачебно-санитарных мероприятиях на фронтах, о борьбе с венерическими болезнями, о массовых прививках и т. п.) показывают, насколько широк был охват социально-гигиенических проблем, стоявших перед Союзом.

Не останавливаясь на роли Земского союза в деле противоэпидемических мероприятий, снабжения медикаментами и хирургическим инструментарием, минуя элементы питательной помощи, снабжения бельем и платьем воинов, ассигнований на санитарно-технические установки, оставляя совершенно в стороне заготовительные и складочные операции Земского союза, необходимо сказать несколько слов о деятельности родного брата Земского союза — Союза городов. Общие политические предпосылки оставались одинаковыми и для последнего — те же организации, те же стеснения и постоянное вмешательство военных и прочих правительственных властей не позволяли развернуть Союзу городов намечаемую работу, к которой он был призван почти одновременно с Земским. «Деятельность Союза искусственно сдерживается, а потому для дальнейшего развития деятельности в первую очередь необходимо

устранение этих препятствий. Последние создаются распоряжениями местной администрации, основанными нередко на существующем в настоящее время устарелом городовом положении».[1]

В первую очередь Союз городов пошел по стопам Земского союза, имевшего также опыт русско-японской войны — по пути госпитальной помощи. С течением времени выяснилась огромная роль предупредительных мероприятий против возникновения и распространения заразных болезней внутри страны. Союзом городов был установлен план устройства заразных бараков, прачечных, бань дезинфекционных станций и камер и прочих вспомогательных учреждений. Как и Земскому союзу, Городскому разрешили начать противоэпидемическую работу, отпустив кредиты только к сентябрю 1915 г. Об'единив 464 города империи, Союз городов, как и Земский союз, но в меньшем размере развил густую сеть учреждений для обслуживания санитарно-лечебных нужд армии. Здесь имелись подвижные отряды, стационарные госпитали, амбулатории, изоляторы, зубоврачебные кабинеты, питательные пункты, бани, прачечные, парикмахерские, продовольственные лавки, склады, аптеки, дезинфекционные и дезинсекционные пункты, мастерские, заводы и т. п. Подобного рода учреждений к августу 1916 года насчитывалось до 1 600 (без Кавказского фронта). Питательные пункты Союза городов на 1 июня 1916 г. накормили свыше 15 млн. человек. В 257 городах в тылу учреждены хирургические госпиталя.

Трудно перечислить все стороны деятельности Союза городов, включившего в свою программу задачи оздоровления русских городов, являвших многочисленные примеры санитарного неустройства, отсталости.

Выступившим на арену русской жизни Союзам (сначала как учреждениям помощи больным и раненым) с первых шагов пришлось встретиться не только с неорганизованностью и неподготовленностью ведомств к войне, но и с значительной неприспособленностью хозяйственно-экономических возможностей страны к требованиям, пред'являемым к ним войною в области всех видов снабжения, особенно — медицинского. Военная катастрофа, отразившаяся на всех сторонах жизни государства и населения, сразу сказалась самым жестоким образом на медикаментном рынке. Самым крупным производителем фармацевтических препаратов являлась Германия со своей широко развитой химической промышленностью. Другие страны, как Англия, Франция, Америка, Италия,

[1] А. Н. Сысин. О деятельности Союза городов, «Труды чрезвычайного Пироговского съезда», стр. 8.

Швейцария далеко отстали от Германии, снабжавшей почти весь мир главным образом алкалоидами и сложными органическими препаратами. «Война глубоко потрясла мировой рынок в этой области, и это особенно сильно почувствовалось в России, питавшейся почти исключительно химико-фармацевтическими препаратами германского производства. Время об'явления войны (лето) совпало с истощением запасов медикаментов на русском рынке».[1]

Закрылись границы, порвались торговые связи, произошло замешательство с медикаментами, оставшимися в стране, сопровождавшееся ажиотажем, спекуляцией, воздержанием от продажи с целью поднятия цен. Военно-санитарное ведомство, Красный крест, Земский союз и Союз городов начали пред'являть огромные требования к тому небольшому запасу, который имелся налицо. Нужда в медикаментах не могла быть удовлетворена из запасов страны, и всем учреждениям и организациям пришлось искать новые пути для получения таковых. Только в ноябре 1914 г. появились первые транспорты медикаментов из-за границы (Англия и Япония), причем первые три месяца войны некоторые медикаменты, наиболее ходкие, Союзам пришлось закупать на русском частном рынке с колоссальной переплатой в 300 — 400 процентов. Для полноты картины состояния рынка медикаментов можно еще отметить, что русские частные фирмы до последнего времени (конец 1914 г.) были лишены возможности получения медикаментов из-за границы, так как выписывавшиеся этими фирмами медикаменты подвергались конфискации на таможнях военным ведомством, и только в самое последнее время возможность получения частными фирмами товаров была облегчена.

Таким образом, Россия с первых дней войны была поставлена перед необходимостью разыскания медикаментов, не имея возможности заготовить их, ни получить в готовом виде в потребном количестве. Оба Союза сразу принялись за организацию дела снабжения медикаментами как своих учреждений, так земств и городов. До 1 декабря 1914 г. Союзом городов для нужд войны было затрачено на медикаменты 1 240 тысяч рублей. Огромные суммы требовались для обеспечения военно-санитарного ведомства, Красного креста, Союза городов, многочисленных учреждений и организаций помощи, наконец, для обеспечения городского населения, что не могло не вызвать естественной тревоги за возможность насыщения такой потребности и говорило о возможном глубоком лекарственном голоде при продолжительности войны.

---

[1] Е. И. Марухес. Вопрос о медикаментах в связи с войной, «Общественный врач» № 1, 1915.

По свидетельству представителей Союза городов[1] заготовка медикаментов оказалась сопряженной «с колоссальными затруднениями». «После начала войны нам удалось получить часть товаров из Швеции по нормальным ценам, но с последовавшим затем строгим запретом вывоза почти всех медикаментов из воюющих стран цены на медикаменты стали возвышаться с каждым днем, доходя до 600 — 800% против нормы. Кроме Швеции и Англии пришлось командировать закупщиков в Японию и на о. Ява.

«Но в этом деле закупка представляла лишь первый акт, после которого начинается длинная процедура отправки товара. При забитости путей в Швеции и в Архангельске и при общем расстройстве ж.-д. движения в России, получить товар из-за границы является делом колоссальной тяжести».[2]

Таково было положение с медикаментами.

Мероприятия, направленные в сторону развития производственных сил страны и использования ее естественных богатств, не двинулись дальше бесконечных обсуждений в веренице многочисленных канцелярий. Россия была предоставлена в значительной мере власти ажиотажа и спекуляции, особенно прочное гнездо свившей себе в деле снабжения медикаментами. Положение с медицинским оборудованием и инструментарием было не лучше. «Главное затруднение», пишут работники Союза городов, «при организации склада хирургических инструментов состояло в том, что на рынке не было совершенно инструментов, особенно самых ходовых, самых необходимых, — не было ножниц, пинцетов, кровоостанавливающих зажимов, крючков, долот или острых ложечек и пр. Все крупные и мелкие московские магазины уже распродали наличные запасы; из Петрограда также не удавалось получить ни одного инструмента».[3]

Приходилось искать людей, которые бы сумели сделать металлический катетер или трахеотомическую трубку. Не было подкладных суден. Термометры, шприцы, иглы приходилось собирать десятками в городах. Рынок не поспевал за спросом. Дошло до того, что инструменты пришлось заказывать фирме Ивамото в Токио. Из Англии шприцы запаздывали. Шведские фирмы, загруженные заказами, отказывались выполнять их и назначали крайне высокие цены. Героическими усилиями удавалось обеспечить минимальное количество инструментов и предметов ухода для госпиталей, лаза-

[1] Доклад А. А. Шилова 13/II 1915 г. на II Съезде Союза городов, «Изв. Союза» № 8, 1915.

[2] Из того же доклада А. Шилова.

[3] «Известия Союза» № 4, январь 1915 г.

ретов и полевых учреждений, причем новые и новые формирования требовали все больших усилий. Нормы снабжения в течение войны были несколько раз пересмотрены и урезаны. Во второй год войны на рынке нельзя было найти ни термометров, ни шприцов, несмотря на усиленные транспорты из Японии. И здесь мы видим полную расхлябанность и неподготовленность к войне. Снабжение перевязочными материалами благодаря быстрому оборудованию фабрики гигроскопической ваты из ферганского хлопка, заготовке лигнина в Финляндии — было сравнительно быстро разрешено.

Таково было положение с медперсоналом, оборудованием и снабжением медицинским инвентарем военных учреждений и учреждений, призванных обслуживать военные нужды. Еще в худшем положении оказалось оставленное на произвол судьбы гражданское население.

# ВЫВОДЫ.

1. Изменения, внесенные войной в экономическую жизнь страны, не могли не отразиться на столь важной ее стороне, как снабжение населения продовольствием (продуктами первой необходимости). Расстройство транспорта, недосев хлебов вследствие уменьшения посевной площади и недостачи рабочих рук поставили в начале 1915 г. перед русскими городами потребляющей полосы призрак надвигающейся продовольственной катастрофы. Хаотические мероприятия правительства, вмешательство многочисленных организаций и учреждений в продовольственное дело, при катастрофическом разрушении транспорта и нарушении нормального распределения продуктов, привели к чрезвычайной их дороговизне и абсолютному недостатку их в городах к началу 1916 года.

2. Питание сельского населения, недостаточное и нерациональное и в довоенное время, повидимому, резким изменениям во время войны не подверглось.

3. Рабочее население, в особенности население больших городов, в связи с увеличивающейся дороговизной жизни очень скоро начало испытывать недостаток питания, который обострялся с каждым месяцем продолжающейся войны, следствием чего явилось понижение производительности труда, прогрессировавшее относительно значительно сильнее, чем шло падение питания.

4. Наиболее регламентированным и поддающимся постоянному наблюдению являлось питание армии. Отсутствие планомерности, неналаженность холодильного дела и расстройство транспорта быстро повели к понижению основных требований к питанию действующей армии. Замена полноценных продуктов малоценными, ослабление гигиенических норм и неналаженность заготовок основных продуктов питания повели к хаотическому снабжению армий всеми продовольственными запасами страны. Однообразие пищи, замена свежих продуктов консервированными и недоедание на передовых позициях, особенно последнее, уже к концу второго года войны были общим явлением. Снижение нормы питания шло преимущественно за счет жиров, всегда недостававших в солдатском рационе. Количественно паек русских армий был низок по сравнению с пайком европейских армий.

5. Введение принудительной трезвости с началом военных действий в России повело к сравнительному порядку при проведении мобилизации. Отрыв возрастов наибольшего потребления алкоголя облегчал проведение принудительного закона, следствием которого явилось некоторое улучшение материального достатка как сельского, так и рабочего населения. Отсутствие культурно-просветительного воздействия на население, вековой гнет бесправия и произвола не могли способствовать ликвидации алкоголизма, быстро принявшего уродливые формы потребления суррогатов водки, возраставшего с каждым годом войны.

6. Показатели естественного движения населения за годы войны обнаружили следующее: смертность заметных отклонений от установленных довоенных цифр в течение войны не дала, рождаемость и брачность значительно сократились, дав огромный дефицит в рождениях и в числе браков в сравнении с 1913 годом.

7. Заболеваемость гражданского населения остро инфекционными болезнями в течение первых двух лет войны не усилилась.

8. Социальные болезни, естественно, должны были дать усиленный рост, что подтверждается в отношении туберкулеза повышением смертности от него.

9. Отрыв призванных в армию от привычных условий жизни, от семьи, повлек за собой массовое распространение случайных половых связей среди армии, чему способствовала пауперизация гражданского населения, находящегося в прифронтовой полосе. Означенные обстоятельства не могли не сказаться на огромном росте венерических заболеваний в армии. Борьба с венерическими болезнями в армии, принявшая полицейско-репрессивный характер, не могла повести к их уменьшению.

10. С первых же месяцев войны произошло огромное увеличение числа душевно-больных и числа лиц с нарушенным невропсихическим здоровьем в результате военных действий.

11. Недостаток питания среди гражданского населения и в армии повел к необычайному увеличению заболеваемости цынгой к 1917 г.

12. Инфекционные болезни в армии, небывалой по размерам, несмотря на длительность войны, не играли в течение мировой войны той роли, которая им обычно принадлежала в прежние войны.

13. Потери страны благодаря непосредственному участию в военных действиях достигают огромных цифр, точное установление которых по сию пору не закончено.

14. Беженское движение, эвакуация военнопленных вызвали ряд эпидемических очагов, рассеянных по стране. Кроме того тяже-

лые условия передвижения и жизни беженцев и военнопленных повели к усилению смертности и заболеваемости среди них, что не могло не отразиться на санитарном состоянии России 1914 — 1917 годов.

15. Количественно недостаточная до войны медико-санитарная помощь гражданскому населению была окончательно разрушена призывами и добровольным уходом медицинского персонала на военную службу и во вновь возникшие Союзы городов и земств.

16. Отсутствие плана подготовки существующих ведомств (военно-санитарного и Красного креста), соответствующего потребностям разрушительной войны, бюрократизм и чиновничество в них, царившая борьба с нарождавшимися общественными силами — создавали неразбериху и хаос в оказании помощи больным и раненым и постоянный недостаток в врачебных силах и медицинских средствах, усиливали дезорганизацию, не говоря уже об отсутствии специальных видов помощи, потребовавшихся в результате войны.

17. Колоссальные размеры бедствий, причиненных войной народному здравию и санитарному состоянию страны, не могут быть целиком учтены сейчас имеющимися данными. Тяжкие последствия катастрофы будут изживаться возрождающейся страной еще в течение десятков лет.

# ЛИТЕРАТУРА.

1. Материалы по вопросам организации продовольственного дела, под общей ред. А. Чаянова, вып. I, 1916, изд. Главн. комитета Всероссийского земского союза.

2. Нормы продовольствия сельского населения, под ред. А. Чаянова, изд. Всероссийского союза городов, 1916.

3. Материалы по вопросам разработки общего плана продовольствия населения, вып. II и III, изд. Всероссийского союза городов.

4. Р. А. Клепиков. Питание русского крестьянства, ч. I. Нормы потребления главнейших пищевых продуктов, под ред. А. В. Чаянова, изд. ВСНХ. М. 1920.

5. Р. Кабо. Потребление городского населения России, под ред. Г. Шуба, изд. Московского совета рабочих и красноармейских депутатов, 1918.

6. И. Н. Кокшайский. Предварительные данные переписи населения и его пригородов, произведенной в 1916 г., Саратов 1916.

7. Я. В. Бляхер. Итоги однодневной переписи населения гор. Оренбурга и нормы потребления продовольствия, продуктов и топлива по данным выборочного исследования 14—18 февраля 1916 г., Оренбург 1916.

8. Потребление важнейших предметов массового обихода в Москве, «Труды Статистического отдела» М., вып. IV, 1916.

9. Овсянников. Артельное харчевание фонарщиков гор. Москвы, «Известия Московской городской думы», Москва 1916.

10. Н. А. Свавицкий. Питание московских рабочих во время войны, «Вестник статистики» № 9—12, 1920 и № 1—4, 1921.

11. «Статистический ежегодник» 1912, 1913 гг.

12. П. О. Смоленский. Простейшие способы исследования и оценки доброкачественности съестных припасов и пр., 1909.

13. Е. А. Аркин. Экономика человеческого организма, Гиз, 1925.

14. К. И. Крыженовский. Пищевые нормы, «Моск. медицинский журнал» № 4—5, 1921.

15. П. А. Ашмарин. Питание человека в связи с возрастом и работой Гиз, 1925.

16. Проф. Л. А. Тарасевич. О голодании. Речь на 10 Пироговском съезде 1907 г., изд. «Сотрудник», Киев.

17. Проф. А. В. Палладин. Основы питания, Харьков, изд. «Научная мысль», 1922.

18. А. И. Шингарев. Вымирающая деревня, СПБ, библ. «Общая польза», 1907.

19. А. В. Мольков. Социальные проблемы питания, Гиз. 1923.

20. Е. Кабо. Питание русского рабочего до и после войны, «Вопросы труда», 1926.

21. М. Давидович. Петербургский текстильный рабочий, изд. ВСНХ, 1918.

22. А. Стопани. Бакинский нефтепромышленный рабочий, изд. «Вопросы труда», 1924.

23. Проф. Рубнер и проф. Миллер. Влияние войны и блокады на здоровье немецкого населения, «Новые идеи в медицине», сборник № 5, 1924.

24. Б. Н. Словцов. Недостаточное питание. «Новые идеи в медицине», сборник № 5, 1924.

25. Б. Н. Словцов. Пищевые раскладки, изд. НКЗ., 1922

26. Б. Н. Словцов. Новые направления в области питания «Известия Комиссариата здравоохранения Союза коммун. северной области» 1918.

27. К. Х. Кекчеев. Физиология труда, Гиз, М. 1926.

28. Я. Шостак. Санитарное состояние Симбирской губернии в связи с экономическим благосостоянием, войной и голодом, «Общественный врач» № 2, 1922.

29. К. И. Дебу. Пища и питание, изд. «Мысль», 1924.

30. Прив.-доц. К. В. Караффа-Корбутт. Борьба с инфекционными болезнями в действующей армии в условиях текущей компании, Петроград 1917.

31. Д. Михайлов. Справочная книга по военно-санитарному делу.

32. Военно-санитарный справочник, под ред. И. Ф. Рапчевского, П. 1916.

33. Наставление об охранении здоровья войск действующей армии, изд. ГВСУ, 1914.

34. Протоколы Военно-санитарного ученого комитета 1913 — 1916 гг.

35. Отчет о санитарном состоянии русской армии в 1912 и 1913 гг.

36. Н. Козловский. Война с Японией 1904 — 1905 гг. Санитарно-статистический очерк, изд. ГВСУ, П. 1914.

37. К. В. Караффа-Корбутт. Эпидемии военного времени и борьба с ними в условиях текущей кампании, отд. оттиск «Врачебной газеты».

38. С. А. Новосельский. Влияние войны на естественное движение населения. «Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914 — 1918 гг.», под ред. М. М. Грана, П. И. Куркина и П. А. Кувшинникова и др., изд. НКЗ, 1923.

39. В. И. Биншток. Военные потери России в войну 1914 — 1918 гг. (см. в списке литер. труд. № 38).

40. Сазонов. Боевые потери в войну 1914 — 1918 гг. (см. 38).

41. Вл. Аврамов. Жертвы империалистической войны в России, «Известия Народного коммиссариата здравоохранения» № 1 — 2, 1920.

42. П. И. Куркин и А. А. Чертов. Естественное движение населения г. Москвы и Московской губ., изд. Мосздрава, 1927.

43. А. Н. Сысин. Санитарное состояние России в настоящем и прошлом, «Социальная гигиена», сборник № 2, Гиз, 1923.

44. С. А. Новосельский. Материалы по статистике травматизма, болезненности и инвалидности в войну 1914 — 1918 гг. (см. 38).

45. Д-р Б. Хайес. Краткий курс социальной гигиены, под общ. ред. и с добавлениями С. И. Каплуна, изд. НКЗ, 1925.

46. А. Л. Мендельсон. Нервно-психическая гигиена и профилактика, Гиз, 1927.

47. Статистический справочник по народному хозяйству, под ред. С. А. Клепикова, вып. III, Гиз, 1923.

48. В. Канель. Врачебная помощь населению, Энциклопедический словарь, Гранат, т. II.

49. П. Куркин. Земская медицина в годвну войны 1914 — 1915 гг. «Общественный врач» №№ 9 — 10, 1915.

50. К. Славский. Земская медицина и война, «Общественный врач» №№ 9—10, 1915.

51. Д. Н. Жбанков. Несколько данных о совместительстве врачей по заведыванию госпиталями в Москве. «Общественный врач» №№ 6—7—8, 1917, «Труды чрезвычайного Пироговского съезда, 1916 г.».

52. Итоги врачебно-санитарной деятельности и ее дальнейших задач, «Известия главного комитета № 39, 15 мая 1916.

53. Д-р Г. О. Сутеев. К вопросу о движении венерических болезней в последние годы, «Московский медицинский журнал» № 5—6, 1922.

54. Проф. Иванов. Война, народное здравие и венерические болезни, Петроград 1916.

55. Мещерский, Броннер, Малышев. Влияние социальных факторов на рост венерических болезней и роль государства в борьбе с этими болезнями изд. НКЗ, Москва 1926.

56. В. А. Горовой-Шалтан. К вопросу о душевной заболеваемости населения при современных условиях, «Психиатрия, неврология и экспериментальная психология», Гиз, 1922.

57. А. М. Терешкович. Влияние войны и революции на психическую заболеваемость, «Московский медицинский журнал» № 4, 1924.

58. В. П. Осипов. О душевных заболеваниях в Петрограде в условиях настоящего времени, «Известия комиссариата здравоохранения Петроградской трудовой коммуны» № 7—12, 1919.

59. В. И. Биншток. Душевно-больные в петроградских больницах в 1917—1919 гг. Материалы по статистике Петрограда и Петроградской губ., вып. 5, 1921.

60. Статистические материалы по состоянию народного здравия и организации медицинской помощи в СССР за 1913—1923 г., изд. НКЗ, 1926.

61. Отчеты о состоянии народного здравия Управления главного врачебного инспектора, 1913, 1914 гг.

62. В. Быстренин. Из трезвой деревни, «Русская мысль» № 1, 1915.

63. К решению вопроса о виноградном вине и пиве (открытое письмо городским и земским самоуправлениям России). 1915.

64. Статистика по казенной продаже питей за 1912 г., изд. министерства финансов, 1914.

65. Д-р И. И. Введенский. Опыт принудительной трезвости, изд. Московского столичного попечительства о народной трезвости, 1915.

66. А. С. Минор. Новые формы пьянства денатуратом и спиртосодержащими жидкостями, М. 1915.

67. «Вопросы наркологии», вып. 1, изд. Мосздрава, 1926.

68. А. Л. Мендельсон. Итоги принудительной трезвости и новые формы пьянства, изд. Росс. общества борьбы с алкоголизмом, Петроград, 1916.

69. Екатеринославская деревня после закрытия винной торговли, под ред. П. К. Соколова, изд. губернского земства, Екатеринослав 1915.

70. Что думает население Харьковской губернии о прекращении продажи вина, изд. Губернской земской управы, Харьков 1915.

71. Война и Костромская губерния, изд. Губернской земской управы, Кострома 1915.

72. Н. В. Красовская-Колосова. К вопросу об изменении общей формулы денатурации спирта в целях охранения народного здравия. Санитарная оценка нового денатурирующего средства — карбинолала. «Архив государственного клинического института для усовершенствования врачей», III, 1922.

73. Отрезвление рабочих, под ред. Ф. И. Кубацкого, изд. Общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района, 1915.

74. М. И. Гернет. Моральная статистика, изд. ЦСУ, М. 1922.

75. Год трезвости в Казанской губернии, изд. губернского земства, 1916.

76. Д. Н. Воронов. Жизнь деревни в дни трезвости (по данным земских и других анкет), «Материалы особого совещания по укреплению трезвости», Петроград 1916.

77. Запрещение продажи водки в «Приморской деревне» Владивосток 1915, изд. Статистического отдела Приморского переселенческого района.

78. Доклад губернской земской управы очередному земскому собранию в Н.-Новгороде, 1915.

79. Деревня и запрещение продажи питей в Московском уезде, изд. Московской уездн. земской управы, 1915.

80. Ф. Я. Термитин. Голос народа, изд. Пензенского губернского земства, 1915.

81. Как повлияло прекращение продажи водки на жизнь населения Полтавской губернии, изд. Губернского земства, Полтава 1914.

Журналы 1914—1917 гг. «Общественный врач» и «Городское дело», «Земское дело», «Вестник сельского хозяйства», «Известия Всероссийского союза городов», «Известия Главного комитета Всероссийского земского союза», «Известия Татианинского комитета», «Вестник ж.-д. медицины и санитарии», «Военно-медицинский журнал» и др.

# ОГЛАВЛЕНИЕ.

# ТРУДЫ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ СЕКЦИИ ЦС ОСОАВИАХИМА

★

## ИССЛЕДОВАНИЕ: «ВОЙНА И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО»

★

### СЕРИЯ: «МИРОВАЯ ВОЙНА И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО РОССИИ (1914—17 гг.)

1. Россия и империалистическая война.
2. Вооруженные силы и народное хозяйство.
3. Война и промышленность.
4. Горнодобывающая промышленность.
5. Металлургическая промышленность.
6. Металлообрабатывающая промышленность.
7. Химическая промышленность.
8. Резиновая промышленность.
9. Мыловаренная промышленность.
10. Силикатная промышленность.
11. Текстильная промышленность.
12. Кожевенная промышленность.
13. Деревообрабатывающая промышленность.
14. Бумажная промышленность.
15. Полиграфическая промышленность.
16. Мукомольная промышленность.
17. Консервная промышленность.
18. Сахарная промышленность.
19. Маслобойная промышленность.
20. Винокуренная промышленность.
21. Табачная промышленность.
22. Крахмало-паточная промышленность.
23. Кустарная промышленность.
24. Война и топливоснабжение.
25. Каменноугольная промышленность.
26. Нефтяная промышленность.
27. Торфяное топливо.
28. Древесное топливо.
29. «Война и транспорт».
30. Железнодорожный транспорт.
31. Внутренний водный транспорт.
32. Состояние морских портов и их работа.
33. Автотранспорт.
34. Гужевой транспорт.
35. Связь.
36. Сельское хозяйство и продовольственная политика.
37. Внешняя торговля и торговая политика.
38. Внутренний товарооборот и цены.
39. Финансирование войны.
40. Денежное обращение.
41. Деятельность банков.
42. Расчетный баланс.
43. Трудовые ресурсы.
44. Народное здравие и народное питание.
45. Местное хозяйство.
46. Деятельность общественных и государственных организаций.
47. Роль научных учреждений в деле организации обороны.
48. — Роль высших учебных заведений.
49. — Война, национальный доход и перераспределение производительных сил.
50. — Война и проблемы организации народного хозяйства.

1 р. 30 к.

